

НИКОЛАЙ
ЗАДОРНОВ

ВОЙНА
ЗА ОКЕАН

Освоение Дальнего Востока

Николай Задорнов

Война за океан. Том второй

«ВЕЧЕ»

1962

Задорнов Н. П.

Война за океан. Том второй / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1962 — (Освоение Дальнего Востока)

ISBN 978-5-4484-7072-1

Николай Павлович Задорнов (1905–1995) – известный русский советский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Роман «Война за океан» хронологически продолжает цепь событий, начатую в романе «Капитан Невельской». Здесь и судьба второй экспедиции по Амуру под руководством Н. М. Чихачева, и активное освоение Русско-американской компанией тихоокеанского побережья Северной Америки, а также героическая оборона Петропавловского порта на Камчатке в августе 1854 года от англо-французской эскадры...

ISBN 978-5-4484-7072-1

© Задорнов Н. П., 1962

© ВЕЧЕ, 1962

Содержание

Книга вторая. Амурский сплав (продолжение)	6
Глава восьмая. У стен Айгуна	6
Глава девятая. Два генерала	13
Глава десятая. Амурский сплав	18
Глава одиннадцатая. Плывающая губерния	26
Глава двенадцатая. Долгожданная встреча	34
Глава тринадцатая. На Камчатке	43
Глава четырнадцатая. Приход «Оливуцы»	47
Глава пятнадцатая. Фрегат «Аврора»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Задорнов

Война за океан. Том второй

© Задорнов Н. П., наследники 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Книга вторая. Амурский сплав (продолжение)

Глава восьмая. У стен Айгуна

16 июня 1853 года Муравьев возбудил в Пекине ходатайство о разграничении областей, оставшихся неразмежеванными по Нерчинскому договору; он... во главе многочисленной флотилии проник 18 мая в воды Хэйлун-цзяна, закрытые для русских судов в продолжение двух столетий.

Лависс и Рамбо. История XIX века

Суда Амурского сплава приближались к устью реки Зеи. Уж недалеко до города и крепости Айгун. До сих пор на берегах была лесная пустыня. Теперь стали попадаться маньчжурские деревеньки с полями и огородами. Население их, завидя плывущие баржи, разбегалось. Караван стал на ночевку. На одном из островов заиграла военная музыка.

Вечером Муравьев вызвал к себе чиновника министерства иностранных дел Свербеева и капитана Сычевского – переводчика маньчжурского языка. Накануне губернатор провел несколько часов с Сычевским. Составляли письмо к начальнику Айгуна. Сычевский – знаток Китая. Он не раз рассказывал Муравьеву о современном положении маньчжурской династии и о революционном движении в Китае.

Айгун – главный пункт маньчжуров на Амуре. Здесь у них, по слухам, флотилия и войско.

– Сейчас же на лодку и под покровом ночи – в Айгун, – приказал губернатор Сычевскому и Свербееву. – Вот лист для передачи начальнику города. Проводника я вам нашел, из тех маньчжуров, что приезжали сегодня слушать музыку. У моих казаков нашелся приятель. Кроме того, в числе гребцов с вами пойдет мой Хабаров, потомок знаменитого Ерофея, дружок проводника-маньчжура. К утру вам быть в Айгуне. Мы тут делаем обычную ночевку и ни на час не задержимся более чем обычно. Поэтому для вас остается ночь. Постарайтесь успеть, а утром в обычное время мы снимаемся. До нашего прихода в Айгун лист должен быть передан начальнику города и прочитан им. Вам, видимо, скажут, что сами ничего не смеют ответить и должны запросить Пекин. Вы настаивайте, что иначе поступить невозможно. Но помните, вы обязаны соблюсти долг вежливости и сделать все, что в наших силах... Я предполагаю, что тут может быть и что они станут делать: по их обычаю – тянуть и толком ни о чем не говорить. Старайтесь прибыть не рано и не поздно, чтобы зря не выслушивать их придирки и соблюдать достоинство. Потом откланяйтесь и обещайте передать ответ мне. Дальше буду действовать я... и уж тогда посмотрим! Да, возьмите с собой серебро и угощение.

Чиновники сели в лодку. Гребцы уложили туда мешок с мелким серебром, ящики с винами, фруктами и закусками. «Ешь – не хочу, – думал Алексей Бердышов, который также шел в этой лодке гребцом. – Нам-то не отломится!» Маньчжур Арсыган в халате уселся на носу лодки.

– С богом! – сказал губернатор.

Лодка пошла в темноту.

Ночь была ясная, тихая и теплая, и все огромное звездное небо отражалось в черном зеркале великой реки. Вскоре последние сторожевые суда русских остались далеко позади. Небо и река слились, и все вокруг было в звездах, и сигнальные огни сплава в глубокой дали казались новым созвездием. Неподалеку, видимо на одном из островов, слышался залиvistый свист.

– Соловей! – сказал до того молчавший Маркешка.

– Быть не может, чтобы соловей! – ответил Свербеев. – Это какая-то птичка. В Сибири соловьи не водятся.

– Амурский соловей! – подтвердил Бердышов.

– Эх, дивно поет! – подхватил Хабаров. – Из-за одних соловьев сюда бы!

Казаки затеяли разговор с Арсыганом. Сычевский спросил маньчжура:

– А почему в деревне у вас не осталось ни единого жителя, а все убежали при подходе судов?

– Боятся русских!

– А у тебя же есть приятели русские. Разве ты прежде бегал от них?

– Нет, от них зачем же я буду бегать!

– Так почему же теперь убежал? Ведь ты тоже убежал?

– Как же я бы не убежал, когда всем велели бежать? Да говорили, что русские, мол, всех будут сгонять и станут мстить за то, что когда-то в старое время у них будто вырезали тут деревни. Мести, говорили, русских надо бояться. А кто бы не поверил – голова долой.

Арсыган рассказал, что военные люди со сторожевых постов в верховьях реки приезжали еще весной с известием, что русские построили, говорят, какие-то лодки и собираются плыть вниз. Слух этот и прежде часто доходил через ороchon-охотников и тайно торгующих с русскими купцов.

Маньчжурские караулы, охранявшие верховья, были ничтожны. На тысячу пятьсот верст там было всего два отряда, человек по двадцать в каждом.

Сычевский и Свербеев сами видели, как на Кумаре маньчжурские стражники скрылись в тайге, завидя сплав.

– Мы совсем не собираемся никого убивать, – стал объяснять Сычевский, – и мстить не думаем даже. Это нарочно вам говорят, чтобы вы не сблизились с нами и не узнали бы правду. Чиновникам выгодно внушать вам зло к русским, они боятся, что вы подружитесь с нами и перестанете слушать свое начальство. Как думаешь, Арсыган, правильно я говорю?

– Конечно! Разве врешь! Однако, верно, похоже... Но если мы будем слушаться тебя, а не своих властей, то нам головы отрубят. Как ты думаешь, верно я говорю?

– Да, пожалуй, и это верно! – подкрутив ус, ответил Сычевский. – Но ведь у вас много голов рубят зря. А мы хотим, чтобы все узнали, что русские вам не враги, а друзья и что с нами можно жить хорошо. А уж когда об этом все узнают, то чиновник-джанги ничего не поделает. Всем головы нельзя отрубить.

– Да, если всех убить, то работать некому будет! – согласился Арсыган.

– А как же ты и твои товарищи рискнули подойти к нам?

– Услыхали, – ответил Арсыган, – думали, свои: труба ревет. Думали, может, Богу молиться. Еще видали знакомых, они размахивали красным. Мы поняли, что хотят подарки давать.

Арсыгана знакомые казаки привели к офицерам. Он польстился на выгодную плату и обещал помочь русским.

– Ладно, пойдем! – сказал он самому Муравьеву, взял подарки и часть платы вперед, придумав, как действовать и что делать, чтобы не лишиться головы.

Забрезжила заря. Видна стала деревня на берегу. Лодка шла близко.

– Вот сюда пойдем! – показал Арсыган.

Он стал что-то кричать. На берегу появилось несколько человек. Они не выказывали страха или беспокойства, видимо узнали знакомого. Вскоре лодка подошла вплотную к берегу. Собралась толпа удивленных маньчжуров и китайцев. Арсыган заговорил с ними.

– Я сейчас пойду и начальника позову, – сказал он, – и тогда дальше вместе с ним поедем.

Арсыган слез с лодки, потолковал с людьми, взял какого-то коня, вскочил на него и вдруг опрометью поскакал мимо деревни по берегу, видимо прямо в Айгун.

– Он за найоном поскакал, – объяснил Маркешка. – Сейчас вернется. Ему тоже с нами явиться в город нельзя без дозволения.

Казачи разговорились с маньчжурами, узнали, что сейчас приедет начальник, что ждать недолго, до Айгуна четыре версты. Маркешка хотел сойти с лодки.

– На берег пустить не можем, – сказал ему рослый маньчжур с палкой в руке.

– Продайте зелени.

– Нет, мы вам ничего не можем продавать. Это запрещено. Да и не знаем ваших денег.

Маркешка взял горсть серебра в мешке и кинул в толпу. Все бросились собирать, в том числе и рослый маньчжур. Подошли купцы, стали рассматривать монеты. Казачи наконец сошли с лодки. Маркешка куда-то исчез. Сычевский вышел на берег и разговорились. Через некоторое время из толпы появился Маркешка с каким-то узелком и поспешно забрался в лодку.

– Что это ты принес? – спросил его Свербеев, сидевший в лодке...

– Ходил в лавку, – ответил казак и с удивлением взглянул на Свербеева. – Водки взял!

– Сменял?

– Нет, они мне за рубль дали. Мне губернатор, его превосходительство Николай Николаевич, дал рубль, так я ходил к китайцам, взял у них вина. Как Айгун пройдем и сменимся, так выпьем с товарищами, если ваше благородие позволит, – продолжал Хабаров с невозмутимым видом. – Тут водка дешевая. И вот еще сдачи взял, – показал казак горсть меди и серебра. – Этих дырявых медяшек в нашем рубле они считают тысячи две ли, три ли. А вот эта – как двугривенный. Тут вот дальше еще деревушка будет, а потом город, там нынче ярмарка, дабу продают. Я хочу у Ванюшки дабы в Айгуне купить, ежели дозволите.

Свербеев понял, что казак называет Ванюшкой какого-то китайского купца. Посмотрел на часы. Через два часа сплав тронется. Надо было так рассчитать время, чтобы в Айгуне долго не задерживаться. Время еще было.

Из-за холма вдруг появился конный отряд. Во главе его два офицера и Арсыган. Толпа зашумела и стеснилась. Русские уже успели раздать подарки. Всех занимал предстоящий разговор. С лошадей слезли два офицера в синих куртках, с шариками на маленьких шапочках.

– По этим шарикам, как по погонам, отличают чин, – объяснил Маркешка.

Оба маньчжура поклонились почтительно, прижимая кулаки к сердцу. Сычевский и Свербеев подали им руки, которые те пожали. Один из маньчжуров приказал сопровождавшим их оборванцам отогнать народ.

– Это у них полиция! – пояснял Маркешка, показывая на плохо одетых людей.

В руках у полицейских длинные палки; взявши их за середину и держа перед собой поперек, полицейские давили на толпу, осаживая ее без всяких церемоний. Тем временем Сычевский пригласил офицеров в лодку. Надо было еще тянуть время. Чиновники предъявили свои визитные карточки, писанные по-китайски и по-маньчжурски. Один из них, черноусый, с грозными мохнатыми сросшимися бровями, по имени Илунга, оказался ротным командиром, другой, румяный, молодой, – Фындо, видимо китаец, – младшим офицером. Они уже знали, что прибывшие русские говорят и по-маньчжурски и по-китайски.

Сычевский стал объяснять, что должен повидаться с начальником Айгуна и передать ему письмо от генерал-губернатора, который плывет сзади.

– Этого нельзя сделать сразу, – улыбаясь ответил грозный Илунга, – сначала надо испросить позволения. А вы должны оставаться в этой деревне и ждать.

Под навесом уже было приготовлено угощение. Маньчжуров пригласили к маленькому столику. Оба офицера охотно выпили вместе с русскими и стали быстро закусывать.

– Сколько же ждать?

– О! Очень быстро! Дня два-три, не больше.

– Нет, мы сегодня должны закончить все обязательно. У нас на судах есть военные люди, они идут на устье реки, чтобы защитить там наши поселения от врагов.

Илунга стал объяснять, что бывал у русских, производя осмотр границы, доходил с отрядом стражников до Усть-Стрелки и видел там лодки и один раз даже видел самовар. Оба офицера покраснели от вина и говорили без умолку о разных пустяках. Время шло. Сычевский стал объяснять, что ждать нельзя и что лист надо вручить сегодня утром, как можно скорей.

– Мы посланы нашим начальником генерал-губернатором, управляющим пятью областями. Он приказал исполнить все срочно.

Илунга набил рот ветчиной и долго жевал ее. Потом, улыбнувшись, сказал, что никак не может этого сделать сразу.

– Очень, очень опасно! – говорил он. – Наш губернатор – начальник семи областей, очень строг. У него огромное войско!

Обоим чиновникам, видно, велено было принять все меры, чтобы не пропускать русских вниз по реке ни под каким видом и объяснить им, что к Айгуну нельзя приближаться.

– Ваши суда погибнут! – сказал, улыбаясь, младший офицер. – Поперек реки протянуты цепи. За ними стоит флот – очень большой. У нас в Айгуне огромное войско и много пушек.

Муравьев еще в Усть-Стрелке предупреждал, что маньчжуры распускают слух, будто поперек Амура у Айгуна протянуты цепи и канаты и что маньчжуры про это будут расписывать.

Свербеев и Сычевский не стали возражать. У них все было решено заранее. Свербеев взглянул на часы. Через час сплав должен был поднимать якоря и отваливать. Еще надо было немного протянуть время.

– Сейчас мы должны ехать дальше, – сказал Сычевский, когда гости наелись и напились чаю, – мы просим вас быть нашими спутниками и ехать в лодке вместе с нами.

Оба маньчжура вскочили. Они, казалось, были испуганы.

– Дальше ехать вам нельзя. Дайте лист, и мы отвезем.

– Нет, нет! Нам приказано самим передать лист в руки начальника крепости, и мы не смеем ослушаться, – ответил Сычевский.

Он пустил в ход все самые вежливые, изысканные выражения. Оба маньчжура сконфузились. Они уж теперь не думали задерживать русских. Они боялись, как бы их не увезли в этой лодке, и желали поскорей убраться. Оба чиновника откланялись. Казаки навалились на шесты, и лодка пошла. Ветер дул навстречу, и паруса не ставили.

Чиновники на берегу сели на коней. Из толпы стали что-то кричать. Сначала на это не обратили внимания.

– Арсыган орет! – вдруг заметил Маркешка. – Зовет к берегу!

– А ну, к берегу! – велел Свербеев.

– Арсыган хочет ехать с нами, – добавил казак, – но, может, и врет.

Едва лодка подошла, как в реку вбежало человек десять здоровых мужчин. Стоя по колено в воде, они ухватили лодку за борта.

– Дальше ехать нельзя! – сказал один из тех, который разгонял толпу палкой.

– А ну, пусти руки! – вдруг, вскакивая, рассердился Маркешка и грозно замахнулся веслом. Вид у него был решительный. Руки, державшиеся за борт, опустились. Лодка пошла.

– Арсыган, тварь, смотри, тебе будет! – крикнул Маркешка маньчжуру, который в смущении стал переминаться с ноги на ногу. – Сегодня пожалуюсь на тебя амбаню. В яму тебя посадят.

На берегу вскоре снова осмелели. Оттуда опять кричали и просили пристать. Лодка быстро пошла вниз. Вскоре из-за мыса стал появляться город, похожий на деревню. Крыш становилось все больше и больше. Видны стали большие лодки на реке и глинобитная стена на берегу.

«Так вот каков Айгун», – думал Свербеев.

Он – молодой человек, недавно закончил университет и прислан в Иркутск. Муравьев там обзаводится чуть ли не своим министерством иностранных дел, с тех пор как государь дозволил ему сношаться с Китаем, минуя графа Нессельроде. Свербеев сошелся в Иркутске с обществом, бывает у Трубецких, ухаживает за их дочерью.

– Гнездо разбойничье! – не выдержал Маркешка. – Тут самая зараза!

Казaki пристально вглядывались. На берегу виднелись лачуги, из-за которых поднималась глиняная стена, за ней видна гнутая позолоченная крыша с резьбой на коньке.

Вдоль берега, как и предсказывали чиновники, стояла военная флотилия – большие, темные от времени лодки, разукрашенные разными знаками по бортам и на мачтах. Казакi заметили и показали Сычевскому и Свербееву на некоторые лодки, что стояли не на воде, а на отмели. Другие едва касались кормой воды. Алексей Бердышов объяснил, что большинство маньчжурских военных кораблей, предназначенных для крейсирования по реке, видно, насквозь прогнило. Суда могли стоять только у берега. Над всем этим кладбищем полугнилых джонок во множестве пестрели яркие торжественные флаги.

На берегу – большая толпа. Как бы ровняя ее ряды, разъезжали конные стражники.

– Это войско их, и найоны выстраивают своих солдат, – сказал Хабаров.

На песке стояла батарея из десятка закрытых чехлами пушек, обнесенная веревкой на колышках.

– Гарнизон, что называется, в ружье! – молвил Сычевский.

– Что, Маркешка, боязно? – потихоньку спросил кто-то из казаков.

– Чего боязно? Я их и прежде не боялся!

– А как тебя трепали тут, помнишь?

– Нынче не приходится Айгун обходить стороной, – с достоинством отвечал маленький казак.

Он сидел у руля и смело правил прямо к пристани, туда, где найоны строили солдат и где развевались флаги. Не раз приходилось Маркешке проходить мимо этого города. Тут жили сборщики дани. Когда-то попался Маркешка в руки здешних стражников, побывал в Айгуне, посидел в яме. Но нынче чувствовал Маркешка с гордостью, что его никто не тронет. Он уже не одинокий охотник, собравшийся с товарищами на дедовы земли, а теперь за его спиной стоит Русь. Затронь Маркешку старые враги – она ударит по Айгуну.

– Китайцы сами этих маньчжуров ненавидят! – сказал Маркешка.

Свербеев и Сычевский это знали.

– Гляди! – вдруг воскликнул Маркешка. – Какую рвань согнали. Амбань, видно, всех поднял на ноги! Беда, до чего же народ довели, экая нищета!

У многих солдат в руках пики, у некоторых ружья, многие совсем не вооружены, почти все босые.

– Видно, спросонья прямо из харчевок и опиокурилок повыскакивали, – рассуждал Маркешка.

Лодка пристала к берегу. Свербеев и Сычевский вышли из нее. Алексей Бердышов, Маркешка и двое казаков сопровождали их. Маркешка волновался, опасаясь, что господа могут оказаться нетверды с айгунцами. Он с гордостью оглядывал всех вокруг. Все пошли вверх по холму, в глубь Айгуна, куда когда-то везли Маркешку, связанного и избитого. Полукругом выстроилось маньчжурское войско, а он теперь шагал смело и открыто, с оружием, в полной форме, там, где его и его друзей считали самыми смертными врагами, шел по этому запретному городу, и сердце его ликовало.

Вот и войско, вооруженное палками, копьями и луками. Навстречу вышли пятеро чиновников. Тут и недавние знакомцы – Илунга и Фындо. После кратких переговоров они согласились вести русских в крепость.

Живо были поданы маленькие мохнатые лошаденки с огромными мягкими удобными седлами. Кавалькада всадников помчалась по запруженной народом улице, орава опрятных удалых конников мчалась впереди, разгоняя толпу палками и криком.

Войско, пушки и флот остались на берегу, в боевом порядке, видно для того, чтобы не пропускать русскую флотилию.

«А я вот в эти ворота ездил один, – вспомнил Маркешка, проезжая под низким, широким и холодным глинобитным сводом. – Завезли меня сюда, и я подумал, что больше уж никогда мне этих ворот с наружной стороны не видать». Вспомнил, как он сидел тут в одиночестве, в яме, думал, что только голову его вывезут отсюда и выставят на потеху в городе, подвешат ее, как они делают, в клетке к столбу или к дереву. «А я живой, каков есть, и сам сюда явился!»

Маркешку только разбирала сильная досада и на Свербеева с Сычевским, и на самого Муравьева за их вежливость – они, видно, собирались тут разводить церемонии и не понимали, какие тут у власти люди страшные палачи и злодеи и надо их разбить и разогнать и дать здешнему народу вздохнуть.

В маленьком дворе крепости два одноэтажных здания с деревянными столбами, поддерживающими галереи. Все слезли с коней. Чиновники попросили Свербеева оставить вооруженную свиту у входа, но тот не согласился. Он посматривал на часы. Все поднялись на широкое деревянное крыльцо. Русских провели в комнаты, застланные кошмовыми коврами. Тут чисто и тихо.

В одной из комнат в кресле сидел старик амбань в халате и шапочке с шариком. У него сухое приятное лицо и живые, но колющие глаза. Сычевский, высокий, статный, в казацкой шапке, в мундире с орденами и оружием, и Свербеев, в форме чиновника, вошли и встали посреди комнаты. Казаки приостановились у дверей.

Амбаня окружали чиновники в халатах. Сычевский на чистом маньчжурском языке сказал, что передает поклон амбаню от главнокомандующего русскими войсками в Сибири, губернатора пяти губерний, и что он сейчас спускается на судах вниз по реке, и что известие о письме его к начальнику Айгуна было послано сегодня утром, и что они передают само письмо. Амбань взял пакет.

– Почему же вы плывете по реке без всякого позволения? – спросил амбань. – Я не смею пропустить вас.

– Четвертого апреля наш губернатор Муравьев писал в Пекин, в трибунал внешних сношений, и предупреждал, что наши суда будут отправлены по реке с войсками для защиты от англичан, с которыми у нас война, наших портов на берегу моря, а также устьев этой реки, где теперь наши селения. Мы не смеем позволить, чтобы англичане вошли в реку. Разве вы не получали об этом из Пекина никакого извещения?

– Нет, мы об этом ничего не получали, – ответил амбань. Врал он или говорил правду – трудно было установить. Похоже было, что он в самом деле удивлен.

Свербеев и Сычевский стали объяснять, зачем идет сплав, что извещение об этом послано дружеское, для сведения, и что генерал, идущий с флотом, желает видаться с амбанем и иметь с ним переговоры.

Амбань при этом стиснул зубы и несколько раз обмахнулся небольшим деревянным ажурным веером и щелкнул им несколько раз, то складывая его, то раскрывая, потом едва заметно мелко и быстро пошевелил коленями под гладким и чистым шелком халата, он пружинил об пол ногами в ботинках с загнутыми носками на белоснежных толстых войлочных подошвах.

Амбань сказал, что ему странно слышать такие речи.

– Если генерал Муравьев спускается по реке, чтобы защитить вход в нее от англичан и этим охранить север в нашей империи от вторжения иностранцев, то совсем не следует ему так об этом беспокоиться. Вы сами видели наше войско и флот, – продолжал амбань, опять

семена коленями, – у нас это лишь малая часть выставлена. Мы имеем достаточно силы, чтобы защищаться.

Он сказал, что ни о какой встрече с Муравьевым не желает и слышать и что если бы даже это и было действительно необходимо, то могло бы произойти только с ведома и разрешения Пекина.

Амбань стар, ему около шестидесяти, но он подвижен и считает себя еще совершенно молодым человеком. Некоторые соперники амбаня винят его в вольнодумстве, они говорят, что он даже коленями всегда шевелит, когда этикет предписывает быть подобным неподвижному изваянию во время деловых переговоров.

Но амбань ничего с собой поделывать не мог и за прыганье коленками был откомандирован из столицы на Амур и отчислен от руководства департаментом. Так легко он отделался благодаря сильным покровителям.

Он был честный человек и первое время пытался навести в Айгуне порядок, запрещал красть деньги, назначенные на ремонт флота, и пытался кормить войско как следует. Но на него посыпались в Пекин доносы, винившие его бог знает в чем.

Пришлось смириться с тем, что флот сгнил и войско получало лишь треть того, что полагалось. Все пришло в негодность. Деньги, отпускаемые на ремонт, исчезали в руках халатов. Если исправлять все – надо испрашивать особые средства, – значит, надо объяснить, почему все в негодности уже давно, значит, надо разоблачать своих предшественников. А они в Пекине, у них родственники. Да и ему они знакомые.

В душе амбаню очень хотелось бы встретиться с Муравьевым, о котором он слышал. Его сосед амбань в городе Урге не раз писал про Муравьева. Деятельного, ловкого и опасного противника позвала вдруг судьба под самые стены Айгуна. Амбань разговаривал охотно с русскими. Вообще за последние годы пришельцы возбуждали все больший и больший интерес в Китае.

Переговоры затянулись. Свербеев и Сычевский подтвердили еще раз все требования генерала и стали откланиваться, как им приказано было, сказали, что передадут ответ своему генералу.

В это время в раскрытые двери вбежал высокий пожилой маньчжур в халате с саблей на боку и, упав на колени перед амбанем, сказал:

– Беда, генерал, по реке, как туча, на наш город движется множество русских лодок и больших кораблей. Наши сторожевые посты сначала так и подумали, что идет где-то задержавшийся лед.

Глава девятая. Два генерала

Советник... представил доклад, где в прямых и резких выражениях объяснял превращение кур в петухов тем, что власть перешла в руки женщин и евнухов. Читая доклад, император сильно огорчился.

Ло Гуань-чжун. Троецарствие

Подали коней. Свербеев, Сычевский и казаки поскакали обратно за ворота в сопровождении конных маньчжуров. На улице была суматоха. В разные стороны бежали люди. Некоторые торговцы закрывали лавки.

На реке виднелись плывущие суда. Среди барж и лодок появился пароход и, оставляя за собой арку черного дыма, направился к городу, гулко шлепая плицами. Вскоре он шел уже подле берега, давая оглушительный гудок. Вслед за хлынувшей прочь толпой стало разбегаться и маньчжурское войско.

«Вот когда вас проняло! – думал Маркешка. – А то понаставили пушек!»

Проезжая обратно, он заметил в толпе несколько знакомых, с которыми ему хотелось бы встретиться, поговорить и узнать, как они живут. Но было не до того.

Вслед за Свербеевым и Сычевским на пристань прискакали чиновники и, видимо, хотели что-то сказать, но не успели. Лодка отвалила от берега, и вскоре оба русских посланца были на борту губернаторского судна.

Муравьев видел переполох, который произвело в городе появление его флотилии, поэтому приказал судам держаться дальнего левого берега и стать там на якоря, в отдалении, но напротив города...

Маньчжурские чиновники сели в лодку и намеревались направиться к каравану судов, но в это время Свербеев и Сычевский вновь вернулись на берег. Илунга просил их передать просьбу амбана губернатору Муравьеву. Начальник города и крепости Айгуна просил объявить, что разрешает русским плыть вниз, но просит их пройти мимо как можно скорее, чтобы не волновать народ.

Начались переговоры. Лодки ходили с судна на берег, и сразу же конные скакали в крепость к амбаню. Муравьев требовал свидания с начальником Айгуна. Амбань настаивал на своем: пусть суда скорее уходят. Муравьев ответил, что флотилия стала на якоря у противоположного берега и это сделано из уважения к достоинству начальника Айгуна и чтобы не беспокоить население, но что русские суда никуда не уйдут до тех пор, пока не состоится встреча.

А пароход ходил и гудел. Лодки маньчжуров подошли к берегу, где стояли русские суда, у казаков нашлись знакомые, в городе ползли слухи, что русские раздают серебро из мешка и подарки, что у них очень хорошие пушки, нет ничего поддельного, все настоящее, что хорошая одежда, у солдат отличные лошади, что людей там кормят несколько раз в день и что вообще у русских все вызывает удивление, но что начальники у них громко кричат. Эти чудовищные слухи поползли по городу и через шпионов стали быстро известны старому амбаню.

«Все увидели русских, расписывают про них бог знает что! Один я в своей крепости, как в тюрьме! Да пропади эта гордость и достоинство, – думал начальник. – К тому же в самом деле что же будет, если они не уйдут?»

Амбань послал на берег чиновников и велел передать ждавшим там русским офицерам, что согласен на встречу, но требует, чтобы генерал Муравьев съехал на берег первым и ждал его. Свербеев ответил, что об этом и речи быть не может, чтобы генерал Муравьев ждал. Пусть явится на берег амбань и ждет генерала... Заодно объяснили, что парохода не следует бояться. Много еще было разговоров о том, как должна произойти встреча, кто первый подъедет, а кто будет ждать. Наконец решили, что никто ждать не будет.

На берег высадился целый десант: взвод вооруженной пехоты, военный оркестр и офицеры. Началось сооружение большой палатки. Огромная толпа зевак снова собралась на берегу. Тут же строился небольшой отряд маньчжуров.

Решили, что с обеих сторон солдат будет поровну, и амбань просил, чтобы с судов много не высаживалось. Маньчжурские войска выстроились вдоль улицы и у крепости.

Амбаня вынесли из глиняных ворот в паланкине. Его многочисленная свита шла и ехала за ним. Пароход подвел на буксире вооруженный гребной катер генерал-губернатора. Хор трубачей грянул марш. Солдаты взяли на караул.

Муравьев сошел по сходням, укрытым красным сукном, а за ним появилась многочисленная свита, составленная чуть ли не из всех офицеров, собранных с барж. В это же время амбань появился из опущенного на землю паланкина. Генералы увидели друг друга.

Старик амбань был ошеломлен обилием золота на русских, громом труб, видом парохода, строем почетного караула и множеством судов, которые действительно заполнили все пространство Амура и вправо и влево. Он почувствовал, что русские в самом деле сильны и богаты. Но он, как человек старый и опытный, знал, что восхищаться чужим да еще дать заметить народу превосходство чужого над своим значило потерять должность да, чего доброго, и голову. Хотя все свое не шло в сравнение с русским и слухи о русских верны, но выказать этого было никак нельзя, и поэтому старик живо взял себя в руки и приосанился. Он с большим достоинством и надменностью шагнул вперед.

Муравьев тоже приблизился. Лицо его засияло. Он распростер объятия. Казалось, он так рад амбаню, так восхищен этой встречей, что более приятного для него ничего не существует. После обмена приветствиями и любезностями оба генерала, как и было условлено, отправились в палатку в сопровождении своих ближайших помощников и переводчиков.

Муравьев сказал о глубоком чувстве, которое император России и его подданные всегда питали к императору Срединной империи... Потом он сказал о войне, что возникла у России с Англией и Францией, и помянул, что эти враги России являются и старыми врагами Китая.

Подали закуску, вино, потом обед. Муравьев объяснил, куда и зачем идет сплав. Амбань выслушал его со вниманием.

– И это все против англичан?

– Да, это против них.

– И пушки и порох?

– Да.

– У них тоже есть пароходы.

Муравьев твердо заявил, что Россия не потерпит английских попыток завладеть побережьем или устьем Амура и что на судах идет лишь часть войска, а что в Забайкалье осталась огромная армия с мощной артиллерией и что для поддержания связи со своими постами на море русские и впредь будут плавать по Амуру так, как это необходимо.

Тут амбань затряс коленками и стал обмахиваться веером. Муравьев решил, что откровенность будет кстати и лучше всякой дипломатии.

После обеда он остался с амбанем. Все чиновники и офицеры вышли. Присутствовали лишь переводчики.

– Судите сами! – воскликнул Муравьев. – Китай и Россия – великие страны и соседи. А вы чуждаетесь нас! Не пора ли вам открыть границы для взаимной торговли? Мы не грабим Китая, как англичане. Нас нечего бояться. Откровенно скажу вам не как генерал-губернатор, а как ваш гость и друг, что ваша политика недалководна. Вы не сознаете, какая ужасная опасность вам грозит. Ваша приверженность старине и обычаям хороша, но надо знать, что делается в мире. Вы даже сплав наш не хотели пропускать, тогда как мы идем, чтобы отбить нападение общих наших врагов. А что, если они войдут на Амур? У вашей великой страны много

врагов, а вы на это закрываете глаза и чуждаетесь друзей. Что было бы, если бы мы вовремя не вошли в устье Амура?

Амбань опять слушал с интересом.

– Если вы откроете торговлю с Россией, мы вам продадим все, что надо для защиты вашего отечества.

Сейчас при виде русской флотилии амбань больше чем когда-либо чувствовал, что Китай отстал. Он в душе согласен с Муравьевым.

– Да, это верно, что вы говорите, – сказал старик и добавил тихо: – Но в Пекине этого знать не хотят.

Муравьев был удивлен. Сказано очень смело и откровенно. Как видно, амбань многое понимает. Никакой вражды к русским! Он говорил о том, что англичане и французы подвергали его родину дозору.

– Но все же я прошу только об одном, – сказал старик, – пусть поскорее пройдут ваши суда. Не надо, чтобы наш простой народ видел силу иностранцев. А то народ может выйти из повиновения.

– Отлично понимаю! – воскликнул Муравьев. – Как генерал и сам царский слуга, я прекрасно понимаю ваше положение...

Сейчас он готов был войти во все огорчения амбаня, как в свои собственные.

– Нельзя позволять народу думать и говорить лишнее. Тут нужна строгость. И если бы у меня люди осмелились противиться, я бы немедленно повесил несколько человек.

Муравьев чувствовал, что во многом недалеко ушел от амбаня, что оба они, каждый по-своему, занимая важные должности, действуют одинаково и делают вид, что верят в одни и те же истины, в душе, кажется, иногда тяготясь этим.

«Да мы, право, оба легитимисты», – подумал он и решил, что в Иркутске в обществе «красных» не преминет это рассказать.

Амбань был тронут вниманием и любезностью. Вообще он уж давно не видал такого приятного и обходительного человека, как Муравьев. А как много плохого о нем говорят!

Муравьев сказал, что и англичан можно разбить!

– И мы можем помочь Китаю и подавить мятеж, который поднят, и отразить нападение англичан. Мы соседи, и в такой помощи нет ничего плохого.

– Нет, мы в этом не нуждаемся, – ответил гордо амбань, но в душе предложение ему понравилось. Он подумал, что как бы было хорошо, если бы русские действительно разбили англичан, если бы всю эту их силу, плывущую мимо Айгуна, обрушить на англичан.

– Я понимаю, что вы сами тоже сильны, – сказал Муравьев, – но от помощи русского великого государя я бы, не советовал отказываться.

– Граничить с областями, которыми управляет такой знатный, образованный и приятный человек, – истинное счастье! – не остался в долгу амбань.

– И я хотел бы вот так запросто и откровенно встречаться и говорить с вами всегда. Был бы счастлив дружить с вами, – ответил Муравьев. Он сказал, что русские всегда считали реку Амур своей, что тут были русские города и никогда русские не откажутся от своего права тут плавать.

– Да... – Амбань несколько смутился. Он и сам это знал. Все ждали, что русские рано или поздно придут сюда.

– Но все же вам следует поспешить и скорее идти. Это лучше и для меня и для вас. Вам тоже не надо задерживаться. Англичане могут напасть на устье реки. Если вы говорите, что у вас на море четыре больших корабля, то вы врага легко отобьете.

Муравьев предложил амбаню покататься на пароходе. Старик несколько смутился, но тотчас же живо овладел собой. Он поблагодарил и отказался.

– Напрасно! – сказал Муравьев. – Ведь недалеко то время, когда всюду вместо парусных судов будут паровые. Пора и Китаю заводить такие суда. Тут нет ничего сверхъестественного. Работает машина.

Пригласили инженеров, и амбаню вкратце объяснили устройство парохода.

– Так едем вместе? – сказал Муравьев, видя, что тот все, кажется, понимает.

– Нет, нельзя!

– Но почему? Ведь это надо знать.

Амбань долго отнекивался и наконец признался, что он должен был бы попросить об этом в Пекине позволения, а там никогда этого не разрешат, так как на это есть причины очень глубокие.

– Да, у нас много недостатков, – сказал старик.

– Но ведь причины эти вы знаете? Их две. Одна – внутренняя, вызвавшая смуты. Другая – иностранцы.

– Да...

Амбаню были преподнесены подарки.

Генералы еще некоторое время угощали друг друга и разговаривали.

Наконец Муравьев стал прощаться.

– А пока мы поможем вам тем, что отразим нападение наших общих врагов, – сказал он.

– Это хорошо, что против англичан идет такая сила, – ответил амбань. – Проведите ее скорей!

На прощание Муравьев снова твердо и торжественно объявил амбаню при свитах, что плавание по этой реке русские считают своим правом, и снова упомянул о вечной дружбе.

Муравьев обнял амбаня, добавил, что ему жаль расставаться, пожелал счастья и посоветовал передать в Пекине все, о чем шел разговор.

– Вы знаменитый генерал, и в вашу честь я прикажу произвести салюты из пушек.

– Вы великий человек, – кланяясь, ответил амбань, – и я желаю вам поразить наших общих врагов. Только прошу вас не салютовать.

Амбаню подали паланкин. Поезд его отправился в крепость. Заиграли горны. Губернатор взошел на палубный катер и торжественно махнул рукой. Грянул хор трубачей. Загудел пароход. Гребная флотилия с артиллерией наготове прошла мимо пристани. Но вскоре все суда снова стали.

...Амбань возвратился в крепость. Тут все было по-старому. Ветхие глиняные стены, крыши, крытые черепицей, с головами драконов и животных на коньках. Те же столбы с цветными флагами. Амбань глубоко задумался.

– Русская флотилия осталась на ночлег и утром уйдет, – доложили ему.

Пора было подумать и о своих делах. Амбань приказал схватить тех, кто помогал русским, наказать строго. Хотя бы одного-двух. Головы выставить на базаре. Дать знать всюду, что тех, кто торгует с русскими или помогает им, ждет казнь. И долго еще отдавал амбань грозные приказания.

На другой день вдруг загрохотали артиллерийские выстрелы. Громадная толпа безмолвных зрителей стояла на берегу. Из крепости прискакали чиновники и на лодке быстро поехали с просьбой больше не салютовать. Русская флотилия уходила.

Амбань думал о том, какие меры надо принять, чтобы население не сдружилось с русскими и чтобы в Пекине знали, как он старается, чтобы не подумали, что он сам симпатизирует русским, и не лишили бы его чина и дворянства и не срубили бы ему самому голову.

Но сам он все же чувствовал, что будет много неприятностей. Сколько ни казни, но русские пошли по Амуру, и с ними ничего не сделаешь. Они правы кругом. А в Пекине неизвестно, как взглянут на это дело. Быть может, там так же быстро найдут виновников, как их нашел сам амбань? Ведь там, как всегда, интригуют. Там «евнухи» и женщины влияют на дела.

Там предрассудки и суеверия, приметы и колдовство – в основе действий. А у иностранцев – расчеты, вооружение и машины. Народ понимает это. Поэтому восстания у нас повсюду.

Но амбань был человек со связями и знатным родством в Пекине, опытный и хитрый, и надеялся, что сумеет оправдаться. Придется выворачиваться, расплачиваться за то, что имел удовольствие поговорить с иностранцем и повидал русский пароход!

...Какого-то китайца вели на казнь. Объявлено было, что он предатель и продался русским. Арсыган в это время, стоя в толпе, побрякивал русским серебром. Все обошлось благополучно, и его похвалили свои люди – маньчжуры.

«Хорошо бы, – думал он, – если бы еще пришли русские, искали бы проводников и опять наняли бы меня».

Он искоса поглядывал на хорошеньких китайнок с цветами в черных головах. Они выглядывали из окошек.

Глава десятая. Амурский сплав

С одной стороны, мы слышали и читали, что с приобретением Амура мы сделались обладателями великолепнейшей реки в мире... С другой стороны, напротив, раздавались уверения, что мы из Амура не можем извлечь ни малейшей пользы...

Н. А. Добролюбов

Каждое утро Муравьев вставал в пять часов и садился за работу. Свежий воздух, меняющиеся пейзажи, девственная природа на берегах реки – все располагало к деятельности. Сплав был подчинен железным законам дисциплины. Казакевич следил, чтобы распорядок дня исполнялся неукоснительно. Чуть свет поднимались якоря, и караван судов трогался. Муравьев в своей каюте сидел за составлением рапортов, которые он, прибыв на устье реки, намеревался отправить в Петербург через Аян. Следовало отлично составить деловые бумаги.

Дежурный адъютант и секретарь неотлучно находились при губернаторе. Если требовался кто-нибудь из чиновников или офицеров, того немедленно вызывали в рупор или сигналами, или посылалась лодка. На барже генерала часто бывают Казакевич, начальник канцелярии полковник Бибилов, Миша Корсаков, Сычевский, Свербеев.

Да, теперь было о чем писать в Петербург. Все предположения дипломатов о том, что по причине Амурского сплава возможен конфликт с Китаем, полетели прахом. Сплав благополучно прошел мимо Айгуна, и встречи с маньчжурскими чиновниками показали их полное расположение к России и русским. Они не только не сожалели, что идет флотилия к устью, но, напротив, с восторгом слушали рассказы Муравьева о том, что русские воюют с англичанами и что эта мощная сила будет защищать от них вход в реку.

...Но теперь все это позади. Сплав уже прошел Хинганские Щеки, где река зажата среди отвесных скал и течет как бы в огромном каменном коридоре. Дальше места пошли вольные, широкие. Где-то близко устье Уссури.

Муравьев непрерывно обсуждает со своими помощниками планы ведения войны, а также дела повседневные. Иногда на баржу вызывается инженер Мровинский. Он и капитан второго ранга Арбузов по прибытии сплава в низовья будут отправлены с частью войск на Камчатку.

Мровинский чертит планы батарей, которые он построит в Петропавловске. Муравьев знает рельеф местности, он сам лазал когда-то по Сигнальной сопке и выбирал места для установки орудий и поэтому со знанием дела и удовольствием вносит поправки.

...В перерывах между занятиями Муравьев выходит на палубу. Казак Маркешка сегодня стоит у руля.

– Ну как, Хабаров, скоро ли устье Уссури? – спрашивает у него губернатор.

– Однако, еще не скоро, ваше высокопревосходительство! – отвечает маленький казак.

– Нет, братец, теперь уж скоро. Теперь и до моря недалеко! По карте Азии видно, что прошли три четверти пути.

Муравьев добр, как посмотришь. А на сплаве у него большие строгости, и Маркешка держит язык за зубами. Лишний раз не пошутить! Водку дают людям. Но и лупят!

Целыми днями на судах слышатся строгие окрики офицеров-унтеров. Этих унтеров Муравьев выкопал где-то, не в Петербурге ли! Привез их из гвардии для обучения забайкальских войск. С их помощью весь народ зажали, как в тиски. Людям не всегда разрешают находиться на палубах, часто держат в трюмах. Маркешка не все время идет на генеральском баркасе. Он работает тут в очередь с другими своими товарищами. На отдых отправляется к себе, на этой барже места нет для спанья казаков. А на своей барже тоже строгости. Казалось, ведут не людей, а зверей или собак на травлю и выдерживают их, как на цепях. Вчера на одной из

барж наказывали казака за то, что не так ответил. Временами от всего этого Маркешку разбит тоска, но он терпит.

Все в страхе, прикажи – каждый не пикнет, умрет за Муравьева. Все наготове к бою, и все подчиняются начальству с полной покорностью. А кто не подчиняется, того тут же пороть!

Люди работают, изнуряя себя, отдыхают молча, вскакивают по команде, не смеют даже товарищу пожаловаться, что жарко, что болят сбитые руки, так как на генеральской барже запрещается разговаривать.

Стирали, работали, ели, спали, ходили в галюн, как теперь велено называть отхожее место, все делали быстро и без разговоров. Люди жили, как огреты с раннего утра нагайкой. Иногда придет приказ на баржи – петь песни и плясать. И поют и пляшут по команде.

«Вот мурыжат народ!» – думает Маркешка.

По обе стороны генеральской баржи огромные острова – луга без конца и края. Лесов и гор не видно. Только временами во мгле где-то далеко-далеко открываются хребты, и там, конечно, леса, а здесь страна лугов и травы. Целыми днями суда идут вблизи травы, масса мошки кидается на человека, едва сойдешь на берег. Жар, духота. Вода идет на прибыль, острова топят. Местами и тальниковые леса стоят в воде, только вершины видны над водой. Что тут за места – никто не знает. По всем признакам, места раздольные.

Справа над тальниковым лесом появился хребет. Он голубой, крутой и прозрачный. Вдруг острова окончились и хребет выступил поближе. Под ним леса, а еще ниже – широчайший простор голубых вод. А по левому берегу вся река зеленая. Это затопленные луга стоят в воде. Густая трава в полтора роста человека колыхается там вместе с волнами, и кажется, что вода зеленая. Все протоки, сбегавшие из-за островов, слились. Справа на берегу видны домишки туземного стойбища.

Муравьев велел приставать к левому берегу, чтобы зря не пугать население. Надо было узнать, что за место, как называется. Около домов видны люди, и даже удивительно, как смело себя ведут... Туда пошел на лодке Сычевский разузнавать все и знакомиться с населением.

Часть судов стала посередине реки, несколько барж – у правого берега. Одно за другим подходили и становились в разных местах на якорь отставшие суда.

А на берегу люди не разбегались, как до сих пор случалось повсюду, где проходил сплав. Коней сводили пастись на острова.

Вот уже на лодках отправились косцы искать незатопленные места на возвышенностях – релках. Через некоторое время на лугах забелели их рубахи. Одни косят, другие сгребают свежую траву, накладывают ее в лодки. На баржи с лодок подают траву вилами.

– Хороша ли тут трава? – спрашивает губернатор у Алексея Бердышова, который сменил Маркешку, отправившегося на свою баржу.

– Трава тут быстро зреет, в дудки идет, – отвечает казак.

– Ну а что нового у вас, казаки?

– Всем довольны, ваше высокопревосходительство! – отвечает Алешка. Подумав несколько, он добавляет: – Пешков у нас песню сложил. – И, беззвучно усмехнувшись, Бердышов тряхнул головой.

– Что же это за песня? – спросил губернатор.

– Шибко хорошая песня, ваше высокопревосходительство.

– Ну, спой мне ее.

– Я и никогда-то не пел, у меня голоса нет. Только складывать помогал Пешкову.

– Что это, Пешков, значит, у вас поэт?

– Это уж как вам угодно, Николай Николаевич! – ответил казак настороженно.

– Ну что же за слова?

Алешка хитро сощурился и почесал ухо. Он один, кажется, из всех товарищей не стеснялся разговаривать с губернатором, считал генерала своим старым знакомцем и уверен был, что тот зря не обидит.

– «Плыли по Амуру длинные версты, сбили у рук-ног персты, считаячи версты...» – сказал Алексей.

Теперь прищурился Муравьев. Кажется, песня критического содержания. Он решил, что надо будет послать к казакам адъютанта, пусть спишет эту песню, проверит, что этот Пешков сочинил, что за содержание. А если хороша, может быть, не запрещать ее, а, напротив, приказывать, чтобы пели по всем судам! Народный подвиг должен быть изображен в народной песне. «Каковы герои! Среди них у меня и певцы и поэты!»

– Баржа губернатора пошла к правому берегу и стала там на якорь. Видно, как цветет жасмин над обрывом. С берега приехал Сычевский и сказал, что яблонь множество, целый лес из яблонь.

– Это Крым и Италия! – категорически заявил губернатор.

На обед к нему, как обычно, съехался весь штаб.

– Вон река Уссури, – значит, население уже гольды, хотя сами себя они так не называют, – сказал Сычевский, показывая на одну из протоков.

Губернатор и офицеры, окружавшие его, стали смотреть туда, где было устье реки. Сегодня все устали. День был очень жаркий.

– Это стойбище называется Бурнэ. Гольды говорят, что ждали русских.

– Так скоро конец пути, господа? – спросил Муравьев.

Еще солнце не садилось, когда к губернаторской барже подошла лодка. В ней сидел рослый молодой парень. Корсаков подошел к борту.

– Господа, он о чем-то спрашивает! – обратился Михаил Семенович к штабным офицерам.

Подошел Сычевский.

– Что тебе? – спросил он по-маньчжурски.

– Мне надо начальника русского сплава, – ответил туземец.

– Ты кто такой?

– Надо начальника отряда, – вдруг повторил гольд по-русски.

– Зачем тебе начальник отряда?

– У меня есть к нему письмо.

– Письмо? – изумился Сычевский. – Что за письмо? От кого?

– От капитана Невельского, – ответил гольд, внятно и точно произнося чин и фамилию. Все переглянулись в изумлении.

– Поднимайся сюда, – сказал Сычевский.

Гольд спокойно поднялся на палубу. У него серьезное и сильное лицо, умные серые глаза, толстая коса, шляпа. На нем синий халат, расшитый по краям. Он достал из-под халата пакет и передал его Сычевскому.

На конверте написано: «Начальнику русского отряда, спускающегося по Амуру». Сычевский повертел письмо в руках и передал Корсакову. Тот пошел доложить губернатору.

– Как твое имя? – спросил Сычевский у гольда.

– Удога!

На палубе появился Муравьев. Невельской писал, что отправился навстречу сплаву и посылает вперед надежного и энергичного человека с письмом на легкой лодке, чтобы он застал сплав на устье Уссури.

«Устье Уссури, – сообщалось далее, – важнейший стратегический пункт, ключ ко всему краю и в будущем может стать центром русских заселений. Устье Уссури поэтому непременно

должно быть занято несколькими взводами казаков, о чем молю вас, Николай Николаевич! Это надо, непременно надо».

Далее он сообщал, что весной Бошняк на корабле «Николай» отправится из залива Императора Николая искать южные гавани и в лучших из них поставит два поста, что и сам отправится туда же на корабле «Байкал». Для того чтобы эти посты были подкреплены изнутри, также необходимо занятие устья Уссури. По реке Уссури до южных гаваней близко, от ее верховья есть туда тропы. Видимо, там нет больших горных перевалов, расстояние невелико. Гавани там не замерзают, и они составляют главную цель в деятельности экспедиции в этом краю.

Муравьев поморщился. Присылать такие письма, когда по высочайшему повелению приведен в действие план, подготовлявшийся генерал-губернатором в течение многих лет... Когда идет сплав...

«Требование это по меньшей мере странное! – подумал генерал. – Как может Невельской заявлять, что самое главное – какие-то южные гавани? О нет! Главная цель деятельности – снабжение Камчатки по Амуру, которая и есть главный наш порт на Восточном океане».

Муравьев, пребывавший в отличном состоянии духа после того как флотилия прошла Айгун, впервые столкнулся с неприятным противодействием. Дерзость своего рода предлагать какую-то новую цель, тогда как он ведет к устью реки войска, артиллерию, тогда как все приведено в боевую готовность для защиты устья и поддержания Камчатки. Муравьев решил не придавать значения письму Невельского и, конечно, не оставлять поста на устье Уссури. Это никому не нужно, хотя бы даже и прав был Невельской.

Но вот что явился гольд, говорящий по-русски, – это важно. «Тут надо отдать должное Геннадию Ивановичу. Теперь понятно, почему мы впервые за все плавание увидели стойбище, население которого, завидев наш сплав, не разбежалось».

Гольд отвечал на вопросы ясно и держался с губернатором просто, с достоинством. Изредка, когда Муравьев говорил с окружающими, он с любопытством оглядывал офицеров.

- Ты долго ждал нас в этой деревне?
- Два дня...
- Как же ты доставил письмо?
- На оморочке!
- Спешил?
- Да, шибко торопился!
- Такая отвага и преданность, господи!

Оказалось, что Удога крещен, что он прежде знал Невельского, бывал у него в Петровском, что там служит брат Удоги. Все это гольд объяснил частично по-русски, а большей частью с помощью Сычевского. Он звал губернатора на берег.

– Мы редко съезжаем в деревни, – ответил губернатор. – При нашем приближении люди разбегаются.

- Тут люди тебя ждали, – отвечал гольд.

«Я награжу его, – подумал Муравьев. – Если Невельской доверил этому гольду такой важнейший документ, значит, он заслужил его доверие!» Муравьев убеждался, что тут начинается сфера влияния Амурской экспедиции.

– Им известно было о сплаве! – воскликнул губернатор. – Русских никто не страшится! Нас ждали!

У Муравьева был глаз на людей. Много было случаев, когда дельных людей он быстро переманивал к себе на службу. Так произошло с Завойко. Этот гольд, конечно, не Завойко, масштабы иные, но Муравьев живо сообразил, что при всей незначительности своего положения сейчас гольд может стать очень значительной фигурой в будущем и оказать Муравьеву неоценимые услуги. Он умен, есть вид, рост, лицо европейца! Муравьев всегда желал иметь в простом народе своих людей. Такие люди были у него и в Иркутске, и в Забайкалье, и на

Шилке, например Карп Бердышов. И здесь на сплаве – Алексей и Маркешка Хабаров. Конечно, такие же люди, свои, надежные, должны быть у губернатора среди туземцев.

Удога смотрел с любопытством и все запоминал. Люди, которых он встретил сейчас во главе с Муравьевым, были для него свои, долгожданные. В них он всегда верил, их ждал и он, и его близкие и знакомые. Поэтому он и чувствовал себя с ними совершенно свободно, как с братьями, с которыми был лишь разлучен.

– А ты не из этой деревни? – спросил у него Муравьев.

– Нет, я сверху. Моя деревня называется Бельго. Теперь я поеду домой.

Сычевский объяснил гольду, что губернатор доволен им, благодарит за доставку письма и что им для сплава нужны проводники, глубины реки неизвестны, а баржи можно вести только по глубоким местам, и поэтому губернатор просит Удогу быть проводником и помочь провести сплав.

Удога был тронут. Он сказал, что согласен. Ему дали кошелек с серебряными рублями.

– Мне не надо, я не за деньги сюда ехал, – ответил Удога.

Муравьев заметил, что это человек с большим достоинством. Офицеры были удивлены. Всяких по дороге видели, но такого в первый раз. Все туземцы, с которыми приходилось встречаться, торгашили и рады были любой подачке.

«Видно, Невельской воспитывает их тут на свой лад, – иронически подумал Муравьев. – Где-то Геннадий Иванович и гольдов подыскал по себе».

– Хорошо, – сказал губернатор, кладя руку на плечо гольду. – Если ты не хочешь брать серебро, то я награжу тебя по-другому. А кошелек все-таки прими, это тебе плата за работу. Мы даром проводников не берем. Такой у нас закон. А как живет Невельской? – спросил губернатор.

– У него продуктов мало, он голодный, и маленькая девка у него болеет, и баба тоже болеет.

– Так о сплаве знают в деревнях у вас?

– Все знают. Все люди знают, что идет Муравьев.

Губернатор был польщен. Он твердо решил наградить Удогу. Кивком головы он показал, что беседа окончена. Гольда послали обедать на баржу к казакам. Сычевский поехал с ним.

– Это Муравьев? – спросил гольд у Сычевского.

– Ты знаешь Муравьева?

– Да, слышал, Геннадий Иванович говорил.

– Ты говорил с Муравьевым, – торжественно сказал Сычевский.

Гольд помолчал, потом спросил:

– Муравьев генерал?

– Генерал!

Гольд кивнул головой.

– А ты знал, почему надо было доставить письмо? Почему ты здесь нас ждал?

– Я ждал здесь потому, что тут нужно оставить ваш отряд. Оставит Муравьев тут людей или нет? Ты скажи ему, что я бы лучше остался тут с вашим отрядом, а вам нашел бы других проводников. Я был бы тут нужней.

Гольд стал рассказывать, почему надо оставить здесь отряд, и сетовал, что сразу не сказал об этом губернатору, при встрече. Потом он сказал, что ему уже несколько дней тому назад известно было, что сплав благополучно прошел мимо Айгуна.

– Кто же тебе сказал об этом? – спросил Сычевский, изумляясь, как могли прийти об этом сведения раньше сплава. Видно, тут какой-то туземный телеграф.

– Мне сказали об этом маньчжурские торгаши, которые проплывали на лодке.

– А что говорят о нас маньчжуры?

– Они говорят, что вы дали в Айгуне взятку, мешок с серебром, и амбань за это пропустил вас.

Гольд хотел добавить, что маньчжуры утверждают, будто русские вообще всех подкупают и всем дают серебро, но смолчал, так как не хотел обидеть Сычевского, который только что вручил ему кошелек с серебром. А то будет походить на айгунского амбаня, будто Удога такой же, как он.

Эти маньчжуры пронюхали, что Удога ждет русских и хочет им что-то передать, и стали допрашивать его. Удога ничего не сказал. А когда они пытались его схватить, он раскидал маньчжуров и еще пригрозил им ножом. Потом пришлось убираться. Удога жил два дня на протоке у дяди, скрываясь. Никто не выдал.

Лодка подошла к барже. Сычевский велел казакам накормить гольда, вымыть и дать ему форму.

– А потом доставьте его ко мне.

– Это ты? – сказал Удога, увидя Алексея Бердышова. Гольд даже не особенно удивился. Правда, он очень давно встречал этого русского. Но так естественно было, что тот пришел сюда.

Алексей не любил распространяться о своих таежных походах и поэтому не подал вида, что обрадовался. Но гольд занимал его. С безразличным видом, но с тайным любопытством Алексей как бы нехотя с ним поговорил.

– А как вы по Амуру проехали мимо Айгуна? – спросил Удога у Бердышова, желая знать все доподлинно. Он не верил, что дело решило серебро. – Ведь там город и крепость, и они говорили, что русских не пустят.

– Они увидели пароход, за ним сто барж и лодок. А мы, знаешь, все шлюпки еще спустили, чтобы больше было. Они – врассыпную.

Гольд задумался. Он был рад. Исконные враги его струсили. Теперь им конец. Самые светлые надежды Удоги ожили.

Никогда и никто так не кормил Удогу, как на этой барже. Его угостили мясом и очень вкусными щами и кашей с маслом, дали чарку водки перед этим, а после обеда – чай с сахаром. Накормили как раз тем, что Удога особенно любил, бывая в Петровском. Все сразу дали. Потом выдали белье и форму. Удога знал, что, перед тем как надевать белье, надо вымыться.

На одной из барж – баня. Удога съездил туда.

...Когда капитан приехал в Бельго, он очень просил скорей доставить это письмо. Удога обещал дойти до Уссури за три дня, если будет хорошая погода. Так быстро еще никто и никогда не проходил такое большое расстояние вверх по реке. Но ведь и гребца такого сильного, как Удога, нигде нет.

А Невельской с Чумбокой и с алеутом Ванькой шли гораздо медленней. Кроме того, капитан хотел задержаться на устье Хунгари, чтобы дожидаться известий с моря из залива Хади, где люди зимой голодали и умирали.

Удога знал, что надо постараться: если Муравьев получит письмо, то оставит пост на Уссури, и тогда уж никогда больше маньчжуры не будут хозяйничать в низовьях реки и грабить и насиловать.

Как он спешил! Как горело все тело, как болели руки! Он не спал, шел день и ночь. Явился на устье и узнал, что сплава еще не было. Лег спать в доме у знакомых. Вдруг его разбудили. Над ухом раздался тревожный голос:

«Маньчжуры!» С тех пор начались происшествия одно за другим. Теперь только можно быть спокойным.

На рассвете, солнце еще не вставало, Удогу вызвали к генералу. Едва гольд поднялся на палубу, как навстречу ему вышел Сычевский и сказал, что генерал решил съехать на берег.

Удогу провели в каюту и посадили за стол с генералом и его офицерами. Муравьев заметил, что в форме гольд выглядит сущим красавцем.

Подали завтрак. Взошло солнце, когда генерал с Удогой, Сычевским, двумя офицерами и казаками съехал на берег. Губернатор разговаривал со стариками. Он убеждался, что русских в самом деле ждали и не только не боялись, но видели в них избавителей от гнета и террора маньчжуров.

Удога хвалил место, рассказывал, что отсюда путь и по Уссури, и по Амуру, и по Сунгари. Здесь бывают все торговцы, и Невельской обещал присылать сюда товары для размена с маньчжурами, только обещал охранять от них население.

«Сумасшедший Невельской! – думал Муравьев. – Ему уже мерещится, что здесь будет центр управления краем. Но с гольдом я поступил смелей его!»

Муравьев поднялся на утес. Вид вокруг великолепный. Река необычайной ширины, слева за ней – хребет, вдаль – луга и острова. Губернатор стоял, скрестив руки, потом посмотрел в трубу на устье Уссури. Место в самом деле отличное. «Как знать, может быть, со временем...» Губернатор спустился с утеса, сел в лодку, вернулся на баржу и приказал каравану отваливать. Пароход загудел...

Удога был удивлен, почему не оставлен пост на устье Уссури. Он думал, что сегодня Муравьев съезжает на берег, чтобы выбрать место, где поставить палатки и пушку.

Невельской с горстью голодных людей все время занимает новые места, везде защищает людей. А важный, богатый генерал с большим войском, даже с огромным, со множеством пушек... И войско у него сытое, и в Айгуне их сразу пропустили. А он ничего не сделал. Удога объяснял губернатору, что по Уссури удобный путь к морю, что Невельскому нужны заливы, где вода не замерзает, чтобы зимой могли заходить корабли. Невельской про это расспрашивает, он восторгался и целовал Удогу, когда тот рассказывал про южные заливы. Удога так надеялся, что прекратятся наезды маньчжурских чиновников, если русские займут реку Уссури. Но, оказывается, все не так...

Поэтому Удога немного сумрачен, хотя и очень рад, что на нем форма.

«На Хунгари, наверно, Муравьев поставит пост», – думает он.

– Алешка, – обратился гольд к Бердышову, – а ты помнишь, как на Мылке заезжал к купцу? Тот купец теперь еще жив.

Сычевский услышал, о чем говорит гольд с казаком.

– Откуда ты его знаешь? – строго спросил он, внезапно подходя.

– Встречались, ваше высокоблагородие, – ответил Бердышов и, подумав, добавил нехотя: – Я еще его отца знал.

Казаки стыдились того, что бывали здесь, и скрывали это. Они привыкли, что за это преследуют и наказывают.

...На берегу видно стойбище. Суда проходят вблизи. Но и тут никто не разбегается. Подъезжают туземцы на лодках. Привозят рыбу, икру в туесах, ягоду и передают на баркас. За это их приходится одаривать материей, крупой и разными железными вещами.

«Мы вступаем в край, как бы принадлежащий России, – думает Муравьев. – Значит, близко озеро Кизи».

– Близко ли озеро Кизи? – спросил он у гольда.

– Да, близко! – ответил Удога.

– Сколько ж?

– Десять дней плыть.

– Не может быть!

– Так! – сказал Удога.

На этот раз гольду никто не хотел верить. Он, видимо, предполагал, что тяжелые баржи идут очень медленно, или не понял вопроса.

Алексей, видя, как господа волнуются и как им скорей хочется в Кизи, решил их успокоить.

– У них, однако, что ни озеро, то Кизи, – сказал он, кивая на гольда. – Так что толком у них не узнаешь.

...А вода все прибывала, она уже затопила острова, залилась в луга, и Амур разлился сплошным морем до очень далеких гор. И волны плещут в зеленой траве, и кажется, что это не Амур, а само море. Конечно, тут уж где-то близко и устье, чувствуется по могуществу реки, по расступающимся берегам, по силе течения.

Глава одиннадцатая. Плывающая губерния

На континенте от Лиссабона до Москвы и Казани, и, пожалуй, хоть до Амура, обычаи, в сущности, одни и те же у всех образованных сословий.

Н. Г. Чернышевский

Петр Васильевич Казакевич помещался на отдельной барже. При нем походная канцелярия. Здесь главный штаб управления сплавом. Начальники всех воинских частей обязаны представлять сюда рапорт о каждом происшедшем случае. Если никаких случаев не произошло, рапорт также должен быть представлен о том, что ничего не случилось. Поэтому утром, перед отвалом, а иногда после того как караван уже пошел, офицеры то и дело подъезжают на лодках к барже, поднимаются по трапику в канцелярию Петра Васильевича, рапортуют и получают распоряжения. Здесь же происходят совещания, тут же Петр Васильевич устраивает «распеканции».

Каждую ночь сплав стоит на якорях. Каждый вечер выясняется, что штормы и мели нанесли ущерб судам. Заболевают люди. Происходят встречи с местным населением. Суда требуют ремонта, скот и лошади – фуража, люди – продовольствия. По всем статьям походной жизни есть соответствующие начальники. Если вопросы сложны, они являются к Петру Васильевичу.

Караван судов – это плывущий город, вернее целые улицыдвигающихся по воде учреждений и казарм. Служба на них идет как следует, происходят наказания, раздаются награды, похвалы, отдаются распоряжения.

Самого Муравьева зря не беспокоят. Но у губернатора есть приемные часы. Это те же утренние часы, что и в Иркутске. Для решения важных дел Казакевич отправляется к самому губернатору. Если происходит какое-нибудь недоразумение или спор между военными чиновниками и Казакевич не в силах его разрешить или бывает событие мелкое, но приятное для генерала, то заинтересованным лицам разрешается явиться к генералу. Считается, что Муравьев очень доступен, прост, обходителен, что он настоящий демократ. Но не каждый получает сюда доступ, особенно после Айгуна, где все важнейшие дипломатические вопросы генерал разрешил с таким блеском.

Если предстоит важное событие, как, например, встреча с маньчжурскими чиновниками, весь штаб приглашается к губернатору, и он идет на своей барже или на катере, окруженный свитой в мундирах и эполетах.

Сегодня утром опять был Мровинский с исправленными планами крепостей Камчатки.

– Да, я был там, и, по-моему, надо так! – говорил генерал.

– Так я и сделал, – отвечал инженер.

С Мровинским толстый, низкого роста капитан Арбузов. Уехали будущие камчадалы, и явился с очередным докладом Казакевич.

– Сорок пятая баржа потерпела крушение, – доложил он губернатору. – Мы вынуждены оставить ее на починку. Она отстанет.

– Что с ней?

– Ударило плавучим деревом, и теперь придется исправлять.

– Оставьте при ней мастеров и надежную охрану. Не стоять же из-за нее всем!

– Капитан Матохин просит дать ему на эту баржу нашего гольда. А то он боится, что, оставшись один, на мель опять сядет. А гольд знает фарватер.

Муравьев знал сорок пятую баржу и ее начальника капитана Матохина. Баржа эта с тяжелым грузом, с артиллерийскими орудиями. Жаль отпускать Муравьеву расторопного гольда,

который отлично вел караван. Впрочем, теперь на сплаве не один Удога. В деревнях взяты и другие проводники-туземцы.

– Хорошо, возьмите гольда, – сказал губернатор.

Подошла лодка. На палубу поднялся человек в клеенчатом дождевике и в сапогах, в черном картузе без всяких кокард, бритый и седой, моложавый на вид.

– Можно ли к вам, Николай Николаевич? – спросил он.

– Милости прошу, Петр Алексеевич, рад дорогому гостю.

Петр Алексеевич Кузнецов – совладелец известной иркутской фирмы «Кузнецов и сыновья». Он отправился с Амурским сплавом на собственной барже, которая представляла собой магазин со всевозможными припасами и товарами. Петр Алексеевич вел бойкую торговлю, скупал соболей. Изредка он заезжал к Муравьеву, радуя того своими рассказами. «На берегах великой реки началась русская торговля! – думал Николай Николаевич. – Развивается частное предпринимательство!»

Губернатор принимал сегодня посетителей, сидя на складном стуле у складного, но прочного столика на корме своей баржи, под легким парусиновым тентом.

– Николай Николаевич, маленькое прошение, – любезно говорил купец. – Сорок пятая баржа отстает от каравана. А здесь, говорят, много мелких деревенок гольдских. Полный расчет и мне задержаться! Не сделаете ли божескую милость, не позволите ли?

– Пожалуйста, Петр Алексеевич. Рад вам служить. Охрана на барже надежная.

– Премного благодарен... Да вот Петр Васильевич рассказывал мне, что есть у вас необыкновенный проводник – гольд здешний. Не позволите ли вы мне его услугами воспользоваться? Право, кажется мне, что, найди я человека, который знает здешние места, соболя потекли бы ко мне сотнями. А то мы часто теряемся в сношениях со здешними туземцами. Как без языка.

– Да, этот гольд Удога знает немного по-русски. На ваше счастье, он остается лоцманом при сорок пятой барже, так вы сможете воспользоваться его услугами.

– Вот и отлично! Пока баржа будет починяться, мы вокруг поедем с ним.

– Обойдитесь с ним ласково. Эти люди для нас с вами, Петр Алексеевич, неоценимые помощники!

– Непременно, Николай Николаевич. С превеликой благодарностью.

– Только каждый раз, – заметил Казакевич, с которым Кузнецов, видимо, уже переговорил предварительно, – когда пойдете в лодке или отстанете от баркаса, извещайте капитана Матохина, чтобы он знал. Вы тоже в экспедиции, и мы отвечаем за вас.

Муравьев уже знал, что и у Кузнецова, и у другого торговца, который шел при сплаве с двумя своими баркасами, за последние дни, как говорится, глаза разбежались. Пошли места соболиные, леса на берегах. Купцы, кажется, готовы всех снабдить тут товарами. Правда, товар у них добрый, Петр Васильевич сам проверял, чтобы не было взято ни завали, ни гнили.

– Что ж, благодетельствуйте местное население. Наша подмога будет. Не надо ли еще вам особой охраны?

– Что вы, Николай Николаевич. У меня ведь молодцы, у всех ружья, пистолеты. Да и баржа с солдатами рядом будет.

Купец уехал на лодке к себе домой, в магазин.

Сычевский приказал доставить Удогу к губернатору.

– Я даю тебе важное поручение, – сказал гольду Муравьев. – Одна из наших барж получила пробоину и чуть не затонула. Мы ждать не можем. А баржа отстанет, пока не будет исправлена. Сможешь ли ты постараться для меня и в безопасности провести эту баржу вниз по реке и догнать нас как можно скорее?

– Да, – ответил Удога.

– Собирайся, и с богом!

Удога объяснил, что Амур тут разбивается между островов на рукава и что он знает короткий путь и быстро проведет по нему баржу. Оказалось, что Кузнецов уже познакомился с Удогой.

На другой день погода хмурилась. Стало холоднее. Местность снова изменилась. Хребты, подернутые туманом, все выше поднимались над левым поемным берегом. Подъезжали гольды на лодках. Некоторые из них знали русские слова.

– Хороший признак, – заметил губернатор.

К обеду почти весь штаб в сборе у генерала.

– А где же Александр Степанович и Софья Климентьевна? Я их давно не вижу!

– Александр Степанович и Софья Климентьевна приглашены и будут, – отвечал Казакевич.

– Хотя бы супругу отпускал! – воскликнул вертлявый маленький и смуглый полковник Бибииков.

– Кизи близко, господа! – уверенно говорил Казакевич.

В салоне губернатор рассматривал карту.

– А где же устье Горюна? – спрашивал его полковник Бибииков.

– Видимо, мы прошли его за островами! – сказал Казакевич.

– Ваш гольд что-то путает, ваше превосходительство, – говорил Бибииков.

– У меня проводники казаки, так один из них подтверждает, что не только устье Горюна, но даже Мылки не прошли. Он бывал тут. Уверяет, что озер Кизи много, – заметил губернатор.

– Но каков Невельской! – говорил Бибииков. – Даже не потрудился офицера выслать навстречу. Подходим к Кизи, а он хотя бы озаботился встретить нас.

– Неужели европейские карты неверны? – раздавались голоса.

Река топила не только луговины на островах, но и возвышенности, на которых местами виднелся черный хвойный лес. Несло множество кустов и деревьев по воде. К губернаторской барже подошел пароход. На кожухах его колес стояли матросы с шестами, отталкивали плывущие деревья, которые могли изломать лопасти.

На капитанском мостике – невысокий офицер. Рядом – молодая темно-русая смуглая дама, тонкая и стройная, в клеенчатом плаще.

Это капитан парохода Александр Степанович Сгибнев и его супруга Софья Климентьевна, первая русская женщина, совершающая путешествие по Амуру.

Сгибневы спустились на палубу и перешли на баржу.

– Редкие гости! Милости просим! – встретил их Муравьев.

– Ах, Александр Степанович! Если вы презираете штабных, то могли бы Софью Климентьевну отпускать для украшения нашего общества! – воскликнул Бибииков.

– Нам некогда! – любезно ответила Сгибнева.

Подали закуску... Обед начался.

Сгибнев рассказывал, как трудно производить сегодня промеры. Подошел дежурный офицер и доложил, что впереди видны два судна, видимо маньчжурские.

– Ну вот, господа, а нам доказывают, что маньчжуры не спускаются в низовья и тут никакого влияния не существует, – раздался голос, когда губернатор вышел со свитой на палубу.

– Но что-то оснастка не маньчжурская, – заметил Казакевич.

Офицеры стали смотреть в трубы.

– Господа! Да это наши суда! – вдруг воскликнул Петр Васильевич. – Это же сорок пятая, которая вчера отстала. И магазин Петра Алексеевича.

– Довольно странно, – заметил Сычевский. – Как они могли очутиться впереди, когда вчера еще сорок пятая отстала и ей посылали людей на помощь.

– А ну, – заявил Муравьев, – Александр Степанович, прикажите, чтобы «Аргунь» взяла нас.

Шлепая плицами по воде, пароход развернулся и взял на буксир генеральскую баржу. Пароход прибавил хода и пошел к судам, черневшим у дальнего конца острова.

– Эй, на барже! – крикнул в рупор капитан.

– Николай Николаевич! Петр Васильевич! – появился на корме высокий Кузнецов. Рядом с ним капитан Махотин и казачий урядник.

– На барже все благополучно, больных нет, – прокричал в рупор усатый капитан. – Пробойна заделана, груз спасен.

– Вот видите, как мы вас перегнали! – весело говорил Кузнецов и сошел по веревочному трапу в лодку. Вскоре он поднялся на палубу генеральского баркаса.

– Недаром, недаром, господа, взяли мы с собой гольда, – говорил довольный купец. – Он нашел краткий путь между островов.

Подул ветер. Баркас начало раскачивать, как на море. Слуги пытались разлить суп, но он расплескался по скатерти и по мундирам штабных офицеров. Вдруг ветер яростно засвистел в снастях. Все выскочили из-за стола. Казаки забегали по палубе, и Алешка Бердышов, не стесняясь присутствия губернатора со свитой, яростно ругался. Сгибнев, ловко перепрыгнув на пароход, дал полный вперед, держа баркас генерала на буксире.

Новый шквал налетел со страшной силой. Канат лопнул, и генеральский баркас понесло. На глазах у губернатора несколько барж выбросило на огромную отмель. Ближняя из них легла так, что палуба ее составляла с отмелью угол в сорок пять градусов.

«Боже, какой ужас! Это настоящее бедствие!» – подумал Муравьев, стараясь сохранить спокойствие.

– Куда ты, куда ты, распрямит бы тебя в душу... – кричал Бердышов на товарищей.

Глаза у него горели, как у коршуна. Он сам схватил рулевое колесо. Казаки по приказанию Казакевича сели за огромные весла и стали налегать на них. Все офицеры помогали поднимать парус. Баржа пошла против ветра, галсами, но ее било на волнах так, что вся посуда полетела со стола в салоне и повар, как пьяный, бежал туда, держась за поручни.

Быстро подошел пароход, снова отдали и закрепили конец. Пароход повел баржу генерала за остров.

Появилась низкая туча и, заволакивая все небо, пошла над рекой. Лохматые пряди ее свисали, казалось, к самым волнам. Ветер бил порывами, и десятки барж несло к острову. Люди боролись, как могли... В течение получаса весь огромный караван судов был разметан по реке. Некоторые баржи, выброшенные на мель, захлестывало огромными волнами.

К вечеру стихло. К губернаторской барже потянулись лодки с рапортами и докладами. Оказалось, что человеческих жертв нет и ни одна баржа не потоплена. Но более десяти выброшены на берег, многие получили пробоины, часть грузов подмочена, все надо выгружать, сушить. Муравьев был в отчаянии. Придется стоять здесь несколько дней и приводить все в порядок.

– Вижу вельбот под парусами! – доложил дежурный офицер.

День был ясный, солнечный, сегодня река голубая, а берега ее ярко-зелены, все вокруг тихо, спокойно и величественно. Иногда налетает легкий ветер, и по реке идут волны, начинаются белые барашки. Сплав все еще стоит и залечивает раны.

На вельботе шел русский морской офицер в полной форме.

– Ну вот и посланец Геннадия Ивановича! – сказал Муравьев своим спутникам, которые сегодня опять все, кроме Сгибневых, на генеральской барже.

– Откуда вы? Из Кизи? – крикнул губернатор.

– Да, ваше превосходительство, можно сказать, из Кизи, – отвечал офицер.

Коренастый, чернобровый, смуглый, он почти вбежал по трапу на палубу и представился губернатору.

– Мичман Разградский! Явился... Честь имею. – У него сильный украинский выговор. Муравьев знал, что он из простых, из штурманов. Теперь мичман. – Ваше превосходительство, вам письмо от Геннадия Ивановича Невельского.

– А где Невельской?

– Да его нет.

– Ка-ак нет?

– Они ушли!

– Куда ушли?

Разградский сразу не говорил, новости важные. Вообще, какие бы штабы и генералы ни являлись, но важнее того, что тут сделано, не сделаешь.

– Его высокоблагородие Геннадий Иванович Невельской отбыли в Кизи.

– Сколько же осталось до Кизи? – с нетерпением спросил Муравьев.

– Точно неизвестно, ваше превосходительство, – отвечал мичман медлительно. – Но, по приблизительным расчетам, никак не менее... – Он замялся, как бы желая подобрать цифру поточнее.

– Не менее пятидесяти? Ста?

– Да нет, ваше превосходительство, – спокойно отвечал Разградский. – Не менее пятисот верст до Кизи!

Губернатор невольно посмотрел на своих спутников, и Разградский заметил на их лицах разочарование.

«Ну уж я в том не могу вам помочь, что Амур длиннее, чем вам того хотелось бы, – подумал Разградский. – А вы должны быть благодарны, что вас выехали встречать так далеко, а не за пятьдесят верст, как вам кажется. Но то дело не мое, и не я эту реку вытягивал».

Несколько недовольный таким приемом, Разградский, который от Невельского уже наслышался, какие нелепые претензии часто предъявляет к Амурской экспедиции начальство, добавил:

– Да от Кизи до моря тоже еще порядочно, ваше превосходительство...

И Муравьеву, и его спутникам плавание осточертело.

– Да где же тогда Геннадий Иванович? Зачем он ушел в такую даль?

– Он шел встречать вас, ваше превосходительство, и остановился неподалеку отсюда на устье реки Хунгари и ждал, но был вызван нарочным обратно в Де-Кастри, куда из Японии пришла шхуна «Восток» с известием от адмирала Путятина о том, что произошел разрыв с западными державами и началась война.

– Разве у вас неизвестно?

– Никак нет.

– Где же адмирал Путятин?

– Да надо полагать, что зашел в Императорскую гавань.

– Слава богу!

Посыпались расспросы. Тут уж начались совсем другие разговоры. Почувствовалась близость океана. Офицер привез известия о Японской экспедиции, отрывочные правда. Да, хотя до Кизи и пятисот верст, но донеслось дыхание иного, широкого мира.

Муравьев стал читать письмо. Невельской писал, что очень ждал, но уходит встречать эскадру и готовится на устьях к военным действиям, просит занять устье Хунгари постом, благодарил, в надежде, что устье Уссури занято.

«Ему легко, – думал Муравьев, – оставить посты! А у меня на хвосте висит Нессельроде и сует палки в колеса! Он Кизи и Де-Кастри не позволял занимать, не то что Уссури!»

Невельской объяснял, что устье Хунгари необходимо для поддержания связи с Императорской гаванью, где зимовка оказалась в очень тяжелых условиях. Писал, что Разградский сообщит некоторые подробности. Муравьев приосанился.

– Ну что ж, господа, вперед! – сказал он.

По каравану был отдан приказ отваливать.

– Пятсот верст – это, пожалуй, десять суток ходу, – заметил Муравьев.

– В пять дней дойдем, – отвечал Разградский. – Начиная от устья Хунгари у нас всюду приготовлены проводники. Так что кое-где сможем идти ночью.

– Горунга, – сказал мичман своему спутнику-гольду, – поезжай в Торгон, скажи Бомбе и Киче – пусть живо сюда едут. Скажи, Муравьев пришел и надо скорей проводников.

Муравьев видел: Разградский чувствует себя тут совершенно как рыба в воде. Кузнецов, присутствовавший при этом разговоре, попросил разрешения отправиться вместе с гольдом на своей лодке в Торгон и торговать там, пока проводники будут собираться.

Баржа за баржей поднимали якоря и шли.

– Осмелюсь сказать, ваше превосходительство, что Геннадий Иванович просил беспрерывно пост оставить на устье Хунгари, где вы завтра будете. С той реки путь в залив Императора Николая. Где нынче зимовали...

– Нет, пост на Хунгари я поставить не могу!

– Осмелюсь сказать, ваше превосходительство, что, ей-богу, пост необходим.

Своим упрямством Разградский сильно раздражал Муравьева. Муравьев чувствовал, что в Хади что-то случилось. Он не желал говорить об этом при штабных, среди которых есть и прохвосты и шпионы. Когда весь караван пошел и все разъехались по баржам, Муравьев позвал Разградского в каюту и спросил, что произошло в Хади.

Разградский, чтобы прежде времени не чернить дела, сказал, что есть сведения, что там смертность. Муравьев пришел в сильное раздражение.

– Как это могло случиться? Сколько умерло?

– Про то я не могу знать, ваше превосходительство! Капитан Невельской доложит точно, но и у него нет сейчас сведений.

– Молчать! – закричал губернатор. – Отвечать ясно! Вам поручено было доставить продовольствие? Я вас в порошок изотру!

– На то ваша воля, ваше превосходительство, – спокойно отвечал Разградский, глядя недобро.

«Штурмана бывшие! Из грязи в князи – и зазнался! Что же смотрел Невельской?»

– Прошу вас изложить мне все! Как вам это стало известно... Все с самого начала.

Удога думает, что бесстрашные и свирепые маньчжуры даром пропустили такой великий караван. От гудков парохода, говорят, весь город разбежался.

– Верно, Алешка, ты говорил когда-то, что полон Амур придет народа.

– Да, вот и тряхнули маньчжурам! – отвечал Бердышов.

Вечером казаки вспоминали, как проходили Айгун. Ко многому они там присмотрелись. До сих пор предполагали, что маньчжуры могущественны. Все привыкли к тому, что они злобны и надменны. А в Айгуне присмотрелись к их жизни, оказалось, что там гниль, беднота. Казаки заметили, что китайцы маньчжуров не любят.

– Как же, начальство!

– Я вам это и прежде говорил, а мне никто не верил, – замечал Маркешка.

– Мы верили! Да вот довелось и самим посмотреть! – сказал Пешков. Он последнее время невесел.

Ему никто не ответил. С тех пор как его песню генерал потребовал к себе, казачьи офицеры и урядники настрого запретили ее петь и самому Пешкову грозили разбить всю морду, если он затеет еще что-либо подобное.

– Ты весь пеший батальон срамишь! И родную станицу нашу позоришь! Как тебе не стыдно! – корил его Скобелецын.

Ждали неприятностей и обдумывали, как лучше их избежать. «Песни складывал и попался! Однако, не тюрьма ли за это?» – потихоньку говорили между собой казаки, не знавшие прежде Пешкова. Теперь, едва Пешков открывал рот, как все умолкали.

– Если маньчжура разбили, то с англичанкой и делать нечего! – заметил урядник Скобелыцын, двоюродный брат станичного атамана в Усть-Стрелке.

– Ну-у! Англичане без силы! Много ли их! – подтвердил русский пожилой казак Балябин с хитрым, улыбающимся лицом в рябинах.

– У них машины! – возразил Маркешка.

– Кто это сказал? – строго заметил Скобелыцын. – Что значит машина? Вот русская сила! – похлопывал он по шашке. – Да еще кулак и штык! Разобьем!

– Расплющим! – подтвердил подвыпивший Алексей Бердышов.

Общее хвастовство и на него подействовало. Пешков молчал угрюмо.

Удога заметил: устье Хунгари прошли не задерживаясь.

Оттуда пришли лодки под парусами. Депутация хунгарских стариков разыскала и догнала баржу генерала. Муравьев принял гольдов и разговаривал ласково, но не останавливая баржи. Старики привезли подарки – рыбу – и просили оставить пост на Хунгари, уверяли, что русским выгодно тут жить, удобно возить грузы на море по речкам.

– Если бы у нас жили русские, то мы получали бы за работу муку, – говорили они, – и маньчжуры нас не трогали бы, мы не платили бы им. Ведь они боятся теперь притеснять гиляков.

«Не Невельской ли подучил гольдов? Это он добивается занять все устья рек».

– Осмелюсь, ваше превосходительство, – заговорил Разградский, присутствовавший тут же, – что пост необходим... и еще не поздно...

Стариков отпустили и отпустили. Между прочим, и они помянули, что в Хади перемерло много народу. Муравьев чувствовал, что там произошло что-то очень неладное.

«Интриги тут развели!» – с возмущением думал Муравьев, когда Разградский пытался винить Буссэ...

Муравьев втайне озабочен. Могут раздуть, скомпрометировать все. Дойдет до врагов, до Нессельроде!

А суда все идут и идут. Ночью по-прежнему стоят на якорях. Вот уж и видна деревня Бельго. Губернатор со свитой и с Удогой перешел на катер. Удога увидел своих сородичей. Дедушка Падека стоял с маленькой Ангой, дочерью Удоги. Она узнала отца. Муравьев уже знал, что несколько лет тому назад была оспа, что мать и жена Удоги умерли, а сам он переселился сюда, основал здесь новое стойбище.

Суда стали приставать к берегу. Муравьев со свитой сошел на пески. Старики поднесли ему лосяное мясо, шкурки соболей, берестяные туеса с икрой. Муравьев пошел с Удогой посмотреть, как он живет. Генерал подарил маленькой Анге серебряную ложку, вилку и ножик, ожерелье и сережки. Он брал ее на руки. Он целовал гольдских детей, ходил из дома в дом.

– Вот и пришли русские! – говорил Удога своим сородичам. – Свершилось то, чего ждали наши старики! Теперь маньчжуры не посмеют нас обижать. Русские сильнее всех!

Толпа сияющих, восторженных гольдов повсюду ходила за губернатором. Повар с подошедшей губернаторской баржи выбросил консервные банки. Гольды живо подобрали их.

– Серебро? – удивлялись они. – Серебра много!

Когда Муравьев, стоя на отмели и любуясь восторженной толпой, хвалившей богатство и силу русских, собрался было уж прощаться и обвел взором рогатые крыши фанзушек и лес могучих лип и ясеней на возвышенном берегу, вдруг из толпы выступил и подошел к нему подслеповатый сутулый китаец. Удога был неприятно поражен. Неужели хитрый купец Гао Цзо

что-то придумал? Невельской когда-то пригрозил его повесить, если он будет издеваться над гольдами. С тех пор Гао Цзо стал осторожней. Но он опять опутывает всех долгами.

Гао Цзо кинулся в ноги губернатору. Двое взрослых его сыновей также пали ниц. Они выложили перед Муравьевым свои подарки – отрезки шелка. По приказанию Гао Цзо, который, чуть приподнявшись, искоса подал взором знак, из толпы вышли двое молодых гольдов и преподнесли Муравьеву двух огромных осетров, только что выловленных. По приказанию Муравьева Сычевский спросил Гао Цзо по-китайски, что ему надо.

Гольды замерли.

Гао Цзо поднял лицо. Чуть приоткрылись его черные лукавые глаза. Они еще были молоды, очень молоды. Гао Цзо все знал: и те споры, которые шли об этих землях, и те порядки, которые хотел ввести тут капитан Невельской. Но сейчас, когда пришли высшие русские власти, он живо догадался и еще кое о чем.

– Я прошу позволить мне торговать на этой русской земле, – говорил Гао Цзо, показывая пальцем на песок.

Это было очень приятно для Муравьева. Купец называл эту землю русской и просил у него позволения торговать тут. И это перед лицом гольдов сказано подданным богдыхана. Он выражал полное уважение, признание и покорность. Лучшего нельзя желать. Муравьев приказал передать купцу, что разрешает ему беспošлинно торговать на этой русской земле и жить тут. И добавил на всякий случай, зная, что тут может быть подвох:

– Но чтобы торговал честно и никого не обманывал! Слышишь?

– Да, да! – кивал головой Гао Цзо.

– А то я слышал, что иногда купцы обижают здесь население. Об этом мне писали бумагу мои подчиненные. Так ты будешь исполнять все наши правила?

– Да, да...

– Я очень рад! Я разрешаю тебе торговать.

Гао видел: времена менялись. Сегодня, когда из-за мыса появился огнедышащий пароход, а за ним чуть не сотня кораблей с массой вооруженных солдат, он прекрасно понял, что все, что говорили русские, – чистая правда. Ясно, что они тут все займут. Надо успевать завязывать с ними дружбу и расположить к себе их начальство. Гао Цзо был очень рад, что успел получить от Муравьева разрешение на торговлю. И это слышали все гольды. Очень хорошо.

Желая еще больше расположить к себе губернатора, Гао стал жаловаться на маньчжуров, что они его всегда притесняли, советовал их гнать отсюда без церемоний. Он брался сделать большие поставки для русского войска, пригнать целые баржи с мукой и крупой в низовья реки.

Губернатор простился со стариками, перецеловал их, обнял купца и отправился к себе на баркас.

Гольды были несколько смущены расположением, которое выказал Муравьев к купцу, сделавшему им столько зла. Но тут опять полетели две белые банки, выброшенные с баржи человеком в белом колпаке. Там готовили обед.

Удога простился с дочкой и со всей родней, уехал с губернатором на баркас. Караван пошел мимо Бельго. Уж поднимали якоря, и судно за судном шли вниз по реке. А главная масса вообще не задерживалась, даже якоря не отдавали, а вереница их непрерывно шла и шла с утра мимо стойбища.

Гольды на берегу не знали, у кого спросить, что это за белые банки. Все понимали, что это серебро, но почему русские так швыряются им?

– Серебряную посуду бросают! И хорошая посуда, – так говорил дедушка Падека, вертя в руках белую жестяную консервную банку из-под фруктов.

А караван уходил все дальше. На фарватере напротив Бельго проходили последние баржи и баркасы. На мачтах у них полоскались флаги. Где-то далеко-далеко загудел пароход.

Глава двенадцатая. Долгожданная встреча

Таким образом совершилась самая смелая, лихая и блистательная экспедиция, какая, я полагаю, только известна в истории мореплавания.
В. А. Римский-Корсаков

Ночь светлая. Хотя луны нет, в черной воде отражается звездное небо, множество огней от идущих судов и прибрежные скалы с лесом на вершине. Никому не спалось в эту ночь. Путь по Амуру заканчивался, утром должны прибыть в Кизи. Еще вчера пароход оставил караван и пошел прямо туда. Люди на баржах повеселели. Кони и то бьют копытами.

«Чуют, что конец пути», – думает Алексей, покуривая трубку.

– Эй, автор и сочинитель песни, – приказывает унтер-офицер Росляков, гвардеец Семеновского полка, приставленный обучать пеших забайкальцев, – затягивай!

– Запевай, Пешков! – говорит урядник Разгильдеев.

Пешков хрипло и неохотно начинает:

С Усть-Стрелки отплывали...

С полными возами, —

подхватывает хор.

В Кизи приплывали

С горькими слезами.

Губернатор – враг цензуры – решил помочь народу и давно уже, узнав о сложенной песне, поручил добыть текст Михаилу Семеновичу Корсакову. Тот приказал доставить автора к себе, велел ему тут же продиктовать песню писарю, но не сказал, зачем. «Узнаешь после!» – с важностью объявил молодой полковник.

Казачьи офицеры и урядники знали, что стихи и песни – дело опасное и к добру не ведут, особенно когда их прочтает и послушает начальство. Да и Корсаков, все знали, строг, не шутит.

Загадочное молчание начальства продолжалось. Ждали, что Пешкова накажут. Страхи росли. На Пешкова смотрели, как на опального или зачумленного. Постепенно всех казаков стали разделять на «певших», то есть виновных, и «непевших», то есть более благонадежных.

Пешков порвал свои бумаги и бросил их на ночевке в костер, дав слово больше не писать.

Наконец у губернатора дошли руки до местной поэзии. Вдруг на все баркасы прислали переписанный текст песни с приказанием: всем разучивать и петь хором.

Офицеры постарались живо исправить свою оплошность. Скобельцына перевели в артиллерию, а вместо него поставили Разгильдеева. В тот взвод, где был Пешков, стал чаще являться гвардеец Росляков для бесед. Нижним чинам велено: пешковскую песню знать, как «Отче наш».

«Это наша песня! Наша, дурак! Пойми! Пой, сволочь!»

Так объясняли. Велено петь даже тем, кто сроду не пел. Заставляли петь по многу раз в день. До этого многие жалели, что хорошая песня запрещена, а теперь они же кляли ее и злобились, что заставляют учить насильно и петь, когда не хочется.

Но даже несмотря на то, что песня теперь часто пелась по приказу и обязанности, в этот ночной час она трогала сердца, и все пели ее охотно, голоса лились дружно и согласно.

Пешков, кстати, дописал про Кизи, хотя озера этого еще никто не видал.

Плы-ыли-и по Амуру
Долгие версты-ы-ы... —

доносилось с соседней баржи. И там пели пешковскую.

Сбили у рук, у ног персты,
Считаючи версты, —

грянул могучий хор.

С других барж доносились разные песни. Где-то грянули плясовую, и слышно было, как по далекой палубе бьют дробь кованые солдатские сапоги.

Удога в эту ночь стоял на корме генеральского баркаса. Шли мимо скал Великие камни. Угрюмое место. Удога помнил, как плыл когда-то давно здесь с братом в лодке. Буря была, холод. Чумбока бежал от преследования маньчжуров. В тот год была оспа, почти все деревни вымерли. Осень стояла свирепая. Место тут безлюдное, дикое, суровое. А вот пришли русские, во всю ширь реки горят огни, и люди так стройно и складно поют, и так хорошо, что самому тоже хотелось бы петь с ними. Кажется, что сама река поет на разные голоса, так много по ней несется песен: что ни баркас, то, слышно, поют.

Утром суда придут в Кизи, на Мариинский пост, и его дело на этом закончится. Удогу отправят домой. Так решил Муравьев. А Удоге не хочется уходить. Он уж привык к этой огромной семье. Он желал бы жить с этими людьми и работать, водить суда или что-нибудь еще делать. Даже и на войну пойти согласился бы. Мог бы пешком ходить не хуже, чем на лодке ездить.

Удога заметил много и такого, чего не ожидал, — плохого. Он думал, что у русских жизнь справедливей. А тут строгости большие. Но как-то не думается об этом сейчас.

Вот теперь всем русским весело, путь их кончается. Только Удоге надо возвращаться туда, где маньчжуры бывают, куда может нагрянуть злодей Дыген. Муравьев все-таки маньчжуров не прогнал, посты не поставлены, как просил Геннадий Иванович. Обидно как-то, что хитрость Гао Цзо удалась. Он, кажется, при русских хочет еще лучше жить, чем при маньчжурах.

И в то же время Удога радовался и с удовольствием вспоминал, как поразились все в Бельго, а китайцы особенно, когда Удога сошел на берег, одетый в русскую суконную форму, только без погон. Старики даже стали заискивать, кланялись первые. Друзья и родственники обнимали Удогу с опаской. Только дочка не смутилась новой одежды отца. Ей жалко было отпускать его. Удога надеялся, что жизнь у нее будет счастливее, чем у него, с приходом русских другие наступят времена.

Все бельговцы расспрашивали Удогу о русских с жадным любопытством. Все говорили, что теперь ему никто не страшен, маньчжуры не посмеют его тронуть. Удога думал сейчас, что он не вернется в форме, как этого желает Муравьев, а снимет ее, зачем зря пугать людей. Удога не хотел отделяться от своих. Спасти самого себя или возвыситься нетрудно, важно вызволить из беды всех людей, живущих на Амуре.

Генерал вышел из каюты. Он тоже не спал. Поход заканчивался, и хотя Муравьев отлично понимал, что, может быть, самое трудное еще только начинается, но и у него было чувство усталости и глубокого удовлетворения.

Все это время он гнал людей, двигал сплав вперед. Приходилось понуждать, наказывать, командовать. Людей жгло солнце, беспокоила мошка, они гребли, косили сено, чистили коней, ставили и убирали паруса, боролись со штормами, выбивались из сил, а он их ругал, разносил, запугивал. Таково уж, как он был убежден, устройство жизни, и его обязанность, как высшего

начальника, – гнать, наказывать, а не только творить благодеяния. Муравьев был уверен: если бы не он – ничего не было бы. Народ идет потому, что ему приказывают.

Но сегодня, в ночь окончания пути, Муравьев почувствовал другое. Люди устали, но никто не спал. Все словно сознавали, что совершено великое дело, подвиг. Все довольны. Нет, это не рабы! «Сбили персты», но не сдаются!

В эту ночь войско как бы почувствовало себя хозяином реки, по которой с таким трудом пройден великий путь. Голос войска громко раздается над рекой. Забыв усталость, люди торжествовали победу своего труда. И пешковская песня с жалобой на тяготы и страдания была не протестом, хотя на первый взгляд так могло показаться. Нет, не надо ее запрещать! Она тоже часть подвига. Лучше петь ее, чем что-то вроде «Эй, ей, казаченьки удалые, гей, гей! Всех мы порешим, порубим, гей!»

А он, Муравьев, в эту ночь, казалось, не нужен никому. Солдатские песни напоминали ему былые походы по Кавказу и Балканам. Там тоже пели. Но там пели всегда. А сейчас он был несколько придавлен этой вдруг обнаружившейся силой и бодростью тысячи окружающих его людей, о которой он до сих пор как-то и не подозревал. Оказывается, тут было еще много сил, в этом народе.

– Наш-то чего-то притих, присмирел, – поговаривали казаки, сидевшие на корме.

Муравьев подумал, что всю эту здоровую и крепкую силу, удаль и бодрость народа он еще обрушит на гордых, замкнутых и самоуверенных англичан. Славная получится потасовка! Эта мысль вернула ему хорошее настроение. Ему искренне захотелось поговорить с гольдом...

– Ну что, Удога, прибываем? – спросил он гольда, как бы становясь с ним на равную ногу. – Скоро придем?

– Да, конечно, – ответил Удога. – А почему, генерал, все-таки ты меня не хочешь взять с собой? Ведь мой брат служит у вас и всюду ходит с капитаном?

У Муравьева было много соображений, почему он не хотел взять Удогу. Главное из них – Удога нужнее в своей деревне. Пусть явится туда. Пусть только кто-нибудь из маньчжуров попробует его тронуть. Он слишком умен, деятелен и энергичен, чтобы брать его простым солдатом. Людей и так достаточно. Нет... Муравьев решил всех проводников сплава отправить по домам, предупредив их, чтобы держались смело, всюду бы говорили, что Амур занят русскими и что если хоть один волос упадет с их голов, то обидчика постигнет наказание.

Муравьев сказал, что надо подготовить народ к переменам и пусть узнают маньчжуры, что их власти конец.

Удога слушал с грустью. Он отлично понимал, чего хочет генерал. На долю Удоги опять выпадал тяжкий труд. А ему тоже хотелось бы подвигов и походов. Опять все не так получается, как самому хочется.

Муравьев часто становился с нужными ему людьми на равную ногу, но потом так же артистически ставил их на свое место.

«Дело есть дело, власть есть власть! Положение обязывает», – полагал он.

Назидательно поговорив с гольдом, он ушел спать. Завтра – трудный день, встреча с тяжелым и всегда преисполненным замыслов Невельским. По приказанию Муравьева пароход пошел вперед на Мариинский пост, а Невельского велено срочно вызвать нарочным из Де-Кастри, куда он уехал встретить шхуну «Восток». Геннадий Иванович будет поражен, он еще и не знает, что сплав прибыл благополучно, и, по своей привычке, верно, терзается в ожидании.

На рассвете Муравьев снова вышел. Сменялась вахта. Перед уходом с дежурства Удога все-таки сказал Муравьеву, что Гао Цзо лжец и обманщик.

– Что же ты прежде мне этого не говорил? – ответил генерал с удивленным видом.

Удога, не простившись с губернатором, сел в шлюпку с казаками и отправился отдыхать. На баркас заступила новая вахта.

Муравьев и прежде заметил недовольство гольда. Но что поделаешь! Из дипломатических соображений надо было именно так поступить. Умный китаец, и сказал отчетливо: «На этой русской земле!» Это надо поощрять. И все слышали! А что торгаш прохвост, так это ясно как день божий. «Первыми, – полагал Муравьев, – к новому часто примыкают не только недовольные, но и прохвосты. В Европе – тоже... И у нас есть личности – согласны на что угодно ради выгод. Так что меня этим не удивишь, и я не могу рассуждать, как туземец».

Тишина. Голубые зубцы далекого берега поднимались из-за плывущих по реке облаков. Река бледнела, облака поднимались и уходили в ясную синь неба. Муравьев с боевым видом прохаживался по палубе. «Пароход, наверное, еще вчера пришел в Мариинск», – думал он.

– Вельбот идет, – доложил адъютант, в то время как губернатор смотрел с кормы назад и думал, сколь далеко растянулся караван и где теперь отставшие суда. Впереди генеральского баркаса река светла. Дул свежий морской ветерок. Берега реки, казалось, отступили. Весь штаб в сборе. Генерал и офицеры столпились у правого борта. Навстречу мчался парус по светлой и широкой поверхности реки.

– Встречают! – заметил Казакевич.

– Невельской! – торжественно сказал Муравьев.

Как он поседел и постарел!

Через несколько минут Геннадий Иванович был на палубе генеральского баркаса. Муравьев крепко схватил его в свои объятия, и они трижды поцеловались.

– Радость-то какая!

– С благополучным прибытием, – отвечал растроганный Невельской.

Все с интересом смотрели на этого быстрого человека с необычайно острыми глазами. Сам губернатор и все офицеры серьезно торжественны, как у заутрени.

– Дорогой Геннадий Иванович, было время, когда я ждал вас в Аяне, – воскликнул губернатор, – а вы шли ко мне на «Байкале». Нынче мы переменялись ролями. Вы ожидали меня целых три года! И вот я явился, о чем рапортую вам, мой дорогой и неоцененный! Вот все, что я мог сделать! Семьдесят шесть судов прибыли благополучно в ваше вновь открытое царство...

– Ваше превосходительство...

– Нет, позвольте, позвольте... На этот раз уж не вы, а я вам буду рапортовать. Люди все живы и здоровы, ваше высокоблагородие. Две батареи конных казаков и девятьсот человек пехоты во главе с генерал-лейтенантом Муравьевым явились в ваше полное распоряжение...

Невельской даже растерялся от такой встречи. Слезы навернулись у него на глаза. Губернатор чуть ли не всерьез рапортовал ему. Он, кажется, шуткой прикрывал свое искреннее волнение.

– Николай Николаевич. – Невельской стал заикаться и схватил губернатора за пуговицу, чтобы хоть немного успокоиться. – Ваше превосходительство, позвольте вас... Я честь имею поздравить с открытием плавания по реке Амуру после шестидесятилетнего перерыва... Вы... Неоцененный подвиг, ваше...

– Дорогой мой!

Снова начались объятия. Офицеры из свиты губернатора стали поздравлять Невельского, жали ему руки...

– У нас был слух, что маньчжуры собрали войско, чтобы не пропустить вас.

– Да, нас пугали, что через Амур цепи под Айгуном.

– Я не верил, но вы так задержались.

– Амур гораздо длиннее, чем предполагалось. Какая огромная и роскошная река! Какая страна! Великолепное приобретение.

– Здравствуй, Петр!

– Здравствуй, Геннадий!

– Как же в Айгуне?

– Да все обошлось благополучно, и с амбаном расстались друзьями!

– Китайцы пропустили нас прекрасно! – заметил Миша Корсаков.

– Китайцы готовы всячески поддержать нас в борьбе против англичан, – серьезно сказал Муравьев. – Амбань мне так и сказал, что англичане их заклятые враги и что тут, мол, у нас цель одна и ум один. Очень благодарю вас, Геннадий Иванович, за подготовку лодманов. От устья Уссури мы шли как по родной стране, нас всюду встречали как своих. Россия вам будет вечно благодарна. От устья Уссури мы оказались как бы в России. Это поразительно, горсть у вас людей, а за три года при вашей бедности, крайней нехватке в средствах произведено такое влияние на такой огромной территории...

– Я сам не мог встретить. Узнав о прибытии эскадры и что война объявлена и не имея сведений от вас...

– Где эскадра?

– «Паллада» в Императорской гавани, ваше превосходительство, паровая шхуна в Де-Кастри и ждет...

«Отлично! Шхуна нужна!»

– ...чтобы с вашими распоряжениями идти в Императорскую.

– «Оливуца»?

– Пошла на Камчатку с вашими распоряжениями. Транспорты «Двина», «Иртыш» и «Князь Меншиков» в Де-Кастри ждут прибытия сплава, чтобы везти войска.

– На Камчатку пойдет триста.

– Не могу без гнева вспомнить, ваше превосходительство. Путятин снял все посты на Сахалине! Буссэ исполнил беспрекословно и явился на шхуне в Де-Кастри.

– Николай Васильевич здесь?

– Да. Николай Николаевич! Вы получили мое письмо на устье Уссури? Гольд жив?

– Да, да, но об этом после! Я ведь в вашей власти, и ошибка может быть исправлена. Сейчас не до того. Надо отправлять войска в Камчатку, подкреплять, а не рассеиваться. Пост я не поставил.

После общего сумбурного разговора Муравьев увлек капитана в свою каюту.

– Не гневайтесь на меня, Геннадий Иванович, но я не мог и не должен был оставлять пост, – серьезно добавил Муравьев.

– А на Хунгари?

– Нет!

– Да вы все дело портите, Николай Николаевич! – кажется, пользуясь тем, что они были одни, резко сказал Невельской.

Лицо его вытянулось, заметны костлявые надглазницы. Чувствуется, что утомлен до крайности, ему не до торжества, для него решается вопрос жизни и смерти.

– Идут американцы. Эскадра Перри...

– Успокойтесь, Геннадий Иванович.

– Как мы добивались с вами, чтобы Сахалин занять, сколько вы хлопотали. Я узнал – чуть волосы не вырвал! Что же это, помилуйте, за что? Какое имеет право адмирал? Уничтожить все труды, зачеркнуть. Подло! Где честь у майора Буссэ?

– Видимо, были у адмирала какие-то соображения.

«А невыдержан Невельской, – подумал генерал, – чуть не испортил историческую встречу».

– Но как вы, Геннадий Иванович, могли не снабдить зимовку в Императорской? – раздраженно сказал губернатор. – Ведь это бросает пятно на все наше дело. Эти смерти теперь будут вечным упреком и вам и мне. И так бог знает что говорят про экспедицию в Петербурге.

Невельской стал объяснять.

Муравьев, казалось, был расстроен.

– Кстати, гольд, доставивший ваше письмо на устье Уссури, исполнил все молодецки. Он поразил меня. Это совершенный герой. У вас есть глаз на людей. Он служит у меня на сплаве, и я буду хлопотать о награждении его медалью.

Муравьев сказал, что уже приказал доставить Удогу на свое судно, чтобы гольд повидал капитана, как он просил.

– А теперь отпразднуем встречу, Геннадий Иванович! «Свитские» ждут! И сегодня же соберем военный совет.

Невельскому еще хотелось объяснить очень многое...

На военном совете и до совета в беседе с генералом в присутствии Казакевича и Корсакова – совершенное поражение! Отвергнуты все планы! Отказ полный. Не приняты ни проект занятия южных гаваней, ни план партизанской войны. Категорически отвергнуто предложение – все снять с Камчатки и вести бескровную войну, заставляя врага блокировать берега нового края и давая ему убедиться, что страна наша.

– Окститесь! – сказал Муравьев при Казакевиче и Корсакове. – Вы предлагаете убрать все с Камчатки, когда само плавание по реке Амуру разрешено государем и открыто для снабжения и подкрепления Камчатки. Теперь, когда государь повелел «плыть!», обнаружится, что мы не в силах стоять на Камчатке!

Тысячи доказательств готов был выложить Геннадий Иванович, но все тщетно.

Перед советом Муравьев познакомил Невельского с инженером Мровинским и сказал, что у него планы великолепные по части обороны Камчатки.

– Орудия я отправлю на «Двине», – сказал Муравьев.

На совете все офицеры подтвердили полное согласие с планами Муравьева. Губернатор даже сдерживал «свитских», когда критиковали, и некоторые довольно едко, предложения Невельского.

...Пароход стоит на протоке, ведущей в озеро Кизи. Всюду снуют лодки. Слышно, где-то играет горн. Пароход дал приветственный гудок, подошел и взял баржу на буксир, повел ее в протоку.

Через час генерал со своими ближайшими помощниками – Корсаковым, Казакевичем, Невельским, инженером и адъютантом – съехал на берег для осмотра места. Поднялись на холм.

– Здесь будет батарея! – сказал Муравьев. Он стал давать указания.

Сверху видно, как одна за другой прибывают баржи и пароход вводит их в протоку, ставит в назначенные места.

На другой день Мариинский пост стал неузнаваем. Со всех сторон холма – и на протоке и на реке – стоят суда. На берегу разбит лагерь. С барж солдаты на руках по трапам стаскивают орудия и затягивают их лошадьми на вершину холма. Делается обширная вырубка – человек пятьдесят солдат и казаков валят лес. На холме, на островах забелели рубахи косарей, идет заготовка сена на зиму. Выгружаются конные казаки. С другой баржи с предосторожностями мягко катят бочки с порохом. Рядом сгружают муку.

К Невельскому подошел урядник Пестряков.

– Требуют с меня и того и другого, Геннадий Иванович, а где я возьму, уж сегодня два раза по морде получил от офицеров. Давно этого не бывало!

После двухдневного отдыха отряды пеших забайкальских казаков на лодках переправлены были через озеро Кизи. Конные казаки шли на баржах, которые тянул пароход «Аргунь». Перевалив озеро, войска высадились и на другой день двинулись в Де-Кастри.

– Паря, теперь нас на корабль и на Камчатку! Никогда по морю не плавал, – приговаривал Алексей Бердышов, шагая подле приятеля своего Маркешки. Оба они произведены в унтера и поэтому шагают рядом. А то Маркешке всегда приходилось идти в последнем ряду.

Конные казаки спешили, прорубают дорогу топорами, чтобы можно было провезти артиллерию. Конница остается здесь, а пехота будет отправлена на Камчатку. Зашагали просекой.

– Кто-то тут уж рубил, старался!

Вокруг тайга. На душе у Маркешки спокойно. И люди стали как люди. Начальства больше нет. «А то выдерживали нас, как зверей в клетках». Люди, заглушенные и безмолвные на баржах, теперь ожили. Солдаты поднимаются по склонам сопки. Ноги тонут во мхах. Вокруг теснятся низкие стволы берез и лиственниц. У вершины лес стал редеть, и вдаль открылась яркая, серебрившаяся синь. Пахнуло свежестью, и Маркешке показалось, что в душу его повеяло чем-то таким, чего он отродясь не испытывал. Никогда не видал он такого огромного синего простора. За вершинами деревьев поднималась набухшая синяя стена, прямой чертой отсеченная от яркого неба.

– Сине море! – воскликнул Алешка Бердышов.

Солдаты оживились. Они быстро поднимались на перевал и, забывая про усталость, в молчании замирали, всматриваясь в даль. По этому морю предстояло им идти в далекое плавание.

Все новые и новые отряды бегом избегали на вершину. Слышно было лишь позванивание котелков да тяжелое дыхание. Среди белых берез стеснились красные, запаленные солнцем и изъеденные мошкой лица. Полузакрытые белым тряпьем глаза солдат устремились вдаль, к морю, о котором с детства слышал каждый. Да, это было море. Казалось, оно набухло, поднялось вровень с хребтами. И радостно и страшно, как подумает, что плыть по нему.

– Все же добрались, – заметил стихотворец Пешков.

Через два часа отряд спустился к бухте. Несколько домиков лепилось у горы. Море стало низким и не таким синим. Но теперь видны волны, набегающие на чистый песок, на берегу множество водорослей, как мокрая накошенная трава. Повсюду валяется рыба. Летают чайки и еще какие-то птицы.

Выстроены бревенчатые домики поста. Тут же начали разбивать лагерь. Подошли выючные кони. Вскоре длинные ряды палаток забелели среди зелени. Запылали костры под артельными котлами. Соком и смолой заблестели на солнце срубленные пеньки. Смола и кровь от разрубленной свежей оленины смешались на пеньках.

По команде сотни людей бросают топоры и лопаты. Отдых. С треском кидаются люди через кустарники и завалы деревьев, прыгая через пеньки, толкая друг друга и подбадривая криком и свистом. Все бегут к морю.

– Вот оно! – Алеша на ходу скинул рубаху, расстегнулся и живо сбросил форму на ракушки и на сухую морскую траву, бултыхнулся в воду. – Соль! – заорал он, оборачивая мокрую голову к товарищам.

Голые тела потоком устремились в море.

– Сибиряки дорвались до моря! – стоя у палаток, говорил чернобровый и краснощекий капитан-лейтенант Арбузов, начальник отряда, назначенного следовать из Де-Кастри на транспорте «Двина» на Камчатку. С ним рядом новый начальник поста Де-Кастри капитан-лейтенант Бачманов.

А уж некоторые отчаянные сорвиголовы далеко от берега. По голубой глади залива, как черные букашки, расползлись головы пловцов. Алексей, размахивая руками, шел вперед. Тело его, истомленное переходом, просило воды. Он любил купаться, но никогда еще не купался с таким удовольствием. Вода была невиданная, прозрачная, свежая, какая-то чудо зеленая,

теплая, но без мути и желти, сама держала Алешку, и плыть по ней легко. Руки так и несли его в голубую даль.

– Дай нырну! – кричит Пешков. Казак исчез. Когда он появился, то долго фыркал.

– Ну как?

– Диво! На дне зелень, как капуста, и сено какое-то черное, вода зеленая, но видно хорошо.

Бачманов стоял на берегу и радовался. Эти сибиряки на широких и быстрых своих реках подготовлены хорошо, могут стать моряками. Заиграл горн. Солдаты стали выходить и одеваться. А уж обед поспел. После обеда Маркешка подошел к Арбузову. Он объяснил офицеру, что желал бы, чтобы его зачислили в артиллерию.

– Ты мал ростом и слаб. Для артиллерии не годен.

– Зато у меня глаз, и я расчет могу делать.

– Ты служил раньше в артиллерии?

– Нет.

– Откуда же знаешь?

– А я присмотрелся к орудиям на Мариинском посту. Когда на пробу стреляли, я все понял. Я оружейник, делаю ружья сам и стреляю без промаха. Я и на баржах все к пушкам приглядывался.

– Пока рано говорить об этом, а придем на Камчатку, там обратишься ко мне.

На другой день погода отличная. Отряды погрузились на «Двину». На берегу идут работы – возводятся казармы и рубится просека. По всей бухте – суда. Их стройные мачты оживляют вид когда-то пустынных просторов великолепной бухты. Тут «Иртыш», «Двина», «Князь Меншиков», «Восток».

День ясный; видно, как от скал по воде в даль моря уходят потоки белых искр. Из северной бухты показался вельбот.

С интересом ожидал Воин Андреевич Римский-Корсаков прибытия генерал-губернатора. Тут же начальник поста Бачманов, офицеры, Буссэ, капитаны судов, в их числе Николай Чихачев, ныне командующий «Иртышом».

«Большую отвагу надо было иметь Муравьеву, чтобы спуститься с войском по неизведанной реке, – думает Воин Андреевич. – Счастлив Геннадий Иванович, что служит с такой великой личностью!»

Из вельбота легко выпрыгнул человек средних лет, крепкого сложения. Лицо его с первого взгляда Римскому-Корсакову не понравилось, и это его насторожило. Муравьев принял рапорт Бачманова и ласково поздоровался со всеми.

– Рад, Николай Матвеевич, видеть вас! – сказал он Чихачеву. – Вот где свиделись! Помните, как вы не хотели покидать экспедицию? А? Хорошо было у нас на даче, за Ангарой? Кто же был прав? Вы все поручения прекрасно исполнили. Я представляю вас к награде.

С Буссэ он поздоровался спокойно, как со своим.

Подошла вторая шлюпка. Из нее вылезли Невельской и Свербеев. Невельской с ненавистью посмотрел на Буссэ: «Сытая морда... Не моему уряднику надо ее бить...»

Все пошли в домик начальника поста.

...После совещания с губернатором остались Свербеев и Буссэ. Невельской уехал с Римским на шхуну и пожаловался, что все идет не так, как надо. На шхуне готовили каюты для генерала и его спутников.

Римский-Корсаков не совсем понимал, чем так расстроен Геннадий Иванович. В одном он совершенно согласен с Невельским – в том, что гаваням на южном побережье принадлежит будущее.

– Мы пособим вам, Геннадий Иванович, – сказал он. – Я буду говорить в пути генералу и доктору Вейриха подговорю. Мы сделаем все возможное.

Вечером Муравьев прибыл на «Двину». Триста забайкальцев, идущих на Камчатку, погрузились с утра. Заканчивалась погрузка орудий. Муравьев держал перед солдатами речь. Он благословил их, поцеловал правофлангового, обнял Арбузова, Мровинского, Гаврилова и капитана.

Утром шхуна была под парами. Генерал брал с собой Сычевского. Штаб оставался в Мариинске до распоряжения. Буссэ среди штабных чувствовал себя как рыба в воде. Невельского все хвалили, что открыл и занял вовремя Де-Кастри, но его плечи ссутулены и вид расстроенный.

– Тут настоящий порт. И эта картина – столько судов стоит! Я еще не видел устья Амура, но нахожу ваши действия отличными! Благодарю вас! – сказал генерал.

Вот и прощальный гудок. А Невельской стоит на берегу и думает, что делать, как теперь быть.

Чумбока подходит к нему.

– Едем, капитан?

– Да... – встрепнулся Геннадий Иванович.

В тот же день Невельской со своим неизменным спутником Чумбокой плыл по озеру Кизи. Затемно он был в Мариинском посту. Урядник встречал его. Вид у Пестрякова мрачный.

«Что-нибудь случилось?» – подумал Невельской и спросил тревожно:

– Есть почта?

– Письмо вам из Петровского, Геннадий Иванович.

Невельской быстро взял пакет, разорвал и прочел письмо при свете фонаря. Жена извещала, что старшая дочь после нескольких тяжелых приступов умерла.

– Я немедленно еду в Петровское, – сказал Невельской. – Чумбока, – обратился он к гольду, – у меня дочь умерла.

– Я поеду с тобой, капитан, – сказал Чумбока.

Глава тринадцатая. На Камчатке

– А Завойко должен сражаться и принять удар на себя. Только с чем я должен сражаться? Со старыми шестифунтовыми пушками, что привезены из старинного порта Охотска? Да еще есть у меня два бомбических орудия! Вот и вся наша артиллерия! Вот что есть Камчатский порт, о котором так заботится три года Муравьев! Вот с чем мы встречаем врага! Нет, это не забота, Юленька, а насмешка! И стыдно мне не за себя.

Так с яростью, досадой и возмущением говорил Завойко своей жене, вернувшись после военного совета, в котором состояли командиры двух мелких судов Камчатской флотилии, полицмейстер, офицеры и чиновники и который создан был по случаю получения писем от русского консула из Сан-Франциско и от гавайского короля Камехамехи. В этих письмах, доставленных американским китобоем, сообщалось о разрыве России с Англией и Францией. А из Петербурга и от Муравьева не было ничего. Нет никаких кораблей. Завойко решил, что надо действовать, не дожидаясь официальных бумаг, которые по случаю штормов могли прийти бог знает когда.

Король Гавайских островов сообщал о том, какие английские и французские корабли уже находятся в Тихом океане.

– Если бы у нас были силы, то мы, верно, воспользовались бы этими сведениями. Король потому и пишет мне так дружески, – с удовольствием сказал Завойко, на миг забывая свою досаду, – что сам ненавидит англичан и французов и желает, чтобы я уничтожил их флот, который гнетет каждого человека на свете. Но король не знает, что я как прикованный цепями к Авачинскому вулкану и над моей головой вот-вот посыплется пепел, и полетят раскаленные камни, и польется лава, Юленька, а у меня руки скованы и положение хуже, чем у мифического героя. Король думает, что Россия велика и богата и что, может быть, со временем я помогу ему, как он мне ныне! Король обманывается жестоко, и он не знает, что у нас прорех гораздо больше, чем думают наши враги. Но враги не знают одного – на что способен русский человек, когда его заденут за живое и когда он пожелает отстоять свою честь и гордость. И я переверну всю Камчатку, но, ей-богу, не отступлю перед врагом...

Сегодня я видел, как у моих чиновников забежали глаза, когда я объявил, что мы будем обороняться и если потребуется, то все умрем. Я знаю их! Никто из них не хочет умирать за Камчатку. Гоголь прав, они бестии и каналы, как и те купцы! Они приехали из Петербурга, чтобы ухватить на Камчатке лишние чины и пенсион за то, что несколько лет проживут без балов. Я сказал ясно, что теперь всем придется забыть свою корысть и каждый должен сражаться насмерть, хотя им того не хочется и не затем ехали они из Петербурга на Камчатку. Верно, Юленька, ты знаешь, про кого я говорю. Здешние же, камчатские, напротив, рады случаю отличиться, хотя и не верят, что их Камчатку кто-то может поколебать, кроме вулкана. Нет, они тоже заблуждаются и не знают, что у Камчатки есть друзья, но есть и враги страшнее вулканов. Вулканы не могли за сотни лет искоренить жизнь, и того не могут и враги! Только мы сами сможем это сделать своими бумагами и глупостями. Все это так обидно, что я предпочитаю молчать. Дай мне ужинать, я так проголодался... Где канал для окружения англичан? Где все эти планы, которые составлял Муравьев, лазая в сорок девятом году по Никольской сопке? Прошло пять лет, а что сделано? И жаль, что на всей Камчатке у меня нет своих людей и только твой двоюродный брат Дмитрий Петрович Максудов служит на «Оливуце». Но и того я не взял к себе. Нет, служить надо так, чтобы собрать всех своих, и хорошо, что на «Авроре» придет Коля Фесун, и тогда я смогу написать сестре, что сердечно рад родственнику.

– Но что все-таки решили? – серьезно и озабоченно спросила Юлия Егоровна, когда служанка, пожилая Харитина, русская молоканка с Украины, которую тут называли хохлушкой, принесла галушки в сметане и варенец.

Завойко снял и отдал ей мундир, повязался салфеткой и уселся за свои любимые кушанья.

– Что я сделал для Камчатки, не забудется никогда! – не слушая жены, продолжал он. – Кто до меня подумал, что можно завезти триста коров на Камчатку? Если бы даже вся половина этих коров передохла при перевозке, и то бы никто не удивился и не упрекнул меня! Даже Камехамаха взволнован таким обстоятельством. Дядюшка Фердинанд Петрович в изгнании производит на заводе эстляндский спирт и требует, чтобы я торговал им на Камчатке. Я ему не отказывал, хотя душа моя не лежит к тому, чтобы спаивать народ. Но я дядюшке доказал, что могу дать людям не водку, а молоко и вот эти галушки со сметаной, которых на Камчатке не знали.

Юлия Егоровна терпеливо слушала своего мужа. На этого практичного и на редкость работоспособного человека иногда находили припадочки разговорчивости и хвастливости. Может быть, потому, что его никогда, никто в жизни не хвалил. Он много лет прожил в далекой глуши, безропотно трудясь и постоянно вывертываясь из разных неприятностей. С него лишь требовали, зная, что он все вытерпит.

Лишь она, понимая, каково ему приходится, добрым и ласковым взором выражала свою признательность, и то изредка. Похвалы мужу были не в ее характере. И вот он, как видно, сам восполнял то, чего не давали ему окружающие. Иногда он начинал жаловаться на свою жизнь, бранить Петербург, иркутского губернатора, становился груб и резок. Он в речах был так же неукротим, как и в делах. Припадочки разговорчивости за столом иногда заканчивались бранью по адресу родственников жены и всех баронов вообще. В таких случаях от его резкого языка доставалось и самой, но она выслушивала его с неизменным спокойствием.

– Харитина! – крикнул Завойко.

Аппетит у него был превосходный. Он потребовал еще тарелку галушек.

– Не много ли на ночь? – спросила Юлия Егоровна.

– Я не могу больше терпеть и волноваться, – ответил ей муж, – а еда успокаивает меня. Мы не так тощи, как те англичане, что худобой хотят превзойти все народы. А попробуй им, Юленька, задать на ночь по нескольку тарелок полтавских галушек, так они к утру передохнут, как воробы в Николаеве, когда вдруг ударил мороз. Они не знают, что не в нашей натуре скупиться, чтобы прокормить себя и детей. А вот когда дойдет до драки, то посмотрим, кто кого победит. Ест, Юленька, тот, у кого есть аппетит, а значит, у кого потребность!

О военном совете он все еще ничего не говорил по какому-то странному упрямству. Потом вдруг стал бурно рассказывать о том, что произошло, изображать всех участников военного совета в лицах, как хороший актер. Представил страх и глупость одних и напыщенность других.

– Да, Юленька, теперь мне надо нести крест за всех. Так завтра я велел собрать перед церковью народ и при полах объявлю все и сравню нашу долю с той, что выпала в смутное время нижегородцам, и покажу, что нам гораздо труднее, но мы не смеем нигде об этом говорить, кроме как у себя на Камчатке.

– Но что же теперь будет с нашей фермой? – спросила Юлия Егоровна, когда он немного успокоился и принялся за варенец.

– А наших с тобой коров, Юленька, лучше съесть самим, чем отдать англичанам.

Из коров, привезенных на Камчатку, супруги Завойко отобрали двадцать голов и устроили собственную молочную ферму. Юлия Егоровна с любовью ухаживала за животными. Она стала на Камчатке первой предпринимательницей, стараясь подать пример всем, как надо жить. Муж всегда твердил, что на Камчатке прекрасные травы и что тут следует разводить скот, а также кабанчиков, чтобы народ не ел одну рыбу. В позапрошлом году еще не прибыли транспорты с коровами, а уж солдаты косили траву и свозили сено на лодках и волокушах в Петропавловск. По всем камчатским селениям посланы были чиновники или нарочные с приказа-

нием заготавливать сено и строить хлева для скотины. Чиновники определяли, кому из жителей даны будут коровы. Когда прибыли суда со скотом, большая часть коров была оставлена в Петропавловске, остальные распределены по близлежащим селениям.

Теперь многочисленная семья Юлии Егоровны была с молоком, маслом, сметаной, творогом, самыми лучшими, каких, верно, не было нигде на берегах океана. В нынешнем году на губернаторском столе появилась превосходная телятина вдобавок к той кабанине, что шла к столу с нового свиарника.

Завойко меньше всего стеснялся, что его и жену могут упрекнуть в том, что они извлекают выгоды из своего предприятия. Он говорил, что делает все возможное, чтобы накормить вечно голодную Камчатку. Он гордился тем, что его жена стала первым камчатским животноводом, и посылал ей в помощь солдат. Впрочем, он и сам иногда трудился на ферме как простой плотник и скотник.

За полтора года Юлия Егоровна превратила ферму в цветущее предприятие, дающее большой доход. Ей нужны были средства. На жалованье мужа жили три семьи: своя на Камчатке, семья покойного отца Юлии в Питере, которую никак не могли взять на себя ни Врангели, ни Юлин старший брат Гилюля, и третья семья – осиротевшая после смерти одного из братьев Василия Степановича на Украине. Всем надо было помочь, все рассчитывали на камчатского губернатора и хотели получать от него больше.

Ферма расположена на речке, среди цветущей долины, у подножия вулкана, в пятнадцати верстах от Петропавловска. Скот там охраняется от зверей. Он надежно укрыт и на случай прихода врагов. Василий Степанович по этому поводу говорит, что еще ни один англичанин не отходил в Сибири дальше чем на полверсты от своей лодки или корабля.

Часть коров у Юлии Егоровны оставлена в Петропавловске. Молоко, масло, творог, сыр продавались петропавловским чиновникам, которые, по выражению Завойко, не так воспитаны, чтобы ради своих детей научиться ходить за коровой. Кроме того, продукты сбывались на заходившие в порт торговые и китобойные суда иностранцев. Круглый год потребителями продуктов обеих ферм оставались американские купцы, постоянно жившие в Петропавловске. Домик и склады их построены на высоком месте на берегу бухты.

Юлии Егоровне жаль, что может разрушиться предприятие, начатое с такой любовью. Первоначально она заводи́ла все для детей, чтобы на ночь и утром было у них по кружке молока. Как радовался муж всему этому! Теперь все может погибнуть, что было создано с таким трудом. Она знала, что, если будет какая-нибудь возможность, муж постарается сохранить ферму, хотя и не пожалеет коров, если понадобится забивать их для питания солдат или чтобы они не достались врагу.

– Подумай, Юленька, – говорил он, – мы с тобой первыми должны подать пример и пожертвовать всем, что имеем.

– Но помни о детях!

– Боже мой, да я всегда о них помню! И ты знаешь, что я служу, и поэтому государь после моей смерти в бою позволит учиться им и не забудет!

Потом он заговорил об артиллерии. Ведь камчатские пушки будут стрелять по врагу, но не нанесут ему никакого вреда, англичане из своих дальнобойных могут уничтожить все наши батареи, но все это еще не остановит, и он даже с этими камчатскими пушками надеется нанести урон врагу.

Все это очень тревожило Юлию Егоровну. Положение во всех отношениях ужасное. У нее на руках большая семья, малые дети. Муж, кажется, готов первым подставить свою грудь под пулю. Она понимала, что он готов исполнить свой долг, втайне боялась этого и в то же время гордилась. Чувство долга и чести с необычайной силой выражалось в нем сейчас. Она готова была простить ему все его былые ошибки, его ужасный промах с Амуром, из-за которого он так ненавидел Невельского.

– Так, Юленька, – сказал Василий Степанович, вставая из-за стола, – мы должны действовать быстро и без промедления, если не хотим опозориться и наверняка погибнуть.

Он вытер салфеткой усы и отбросил ее.

– Но скажи, почему нет подмоги от Муравьева? Где обещанные мне пушки и мука? И где адмирал Путятин? И с кем он будет воевать теперь на своей эскадре? Вот и приходится мне отдуваться за то, что меня сделали губернатором. Ну, так я буду действовать быстро и сделаю то, что невозможно, как учил Суворов своих простых солдат, в которых видел главную силу! Если бы не ночь, я бы, кажется, сам пошел сейчас рыть и строить...

Он в самом деле был полон силы, несмотря на то что за плечами оставался тревожный день. Она сидела в кресле, опустив голову, он присел на ручку кресла и обнял ее.

– Я знаю, что тебе тяжело, душа Юленька... Правда, во всех магазинах у нас нет ни фунта лишнего провианта и все отослано на Амур. Но бог милостив, и прокормить людей мы с тобой поможем. И еще нет такой блокады, хотя бы англичане поставили весь свой флот, чтобы кижуч, чавыча и красная не пришли бы в наши речки на икромет и не прокормили бы Камчатку, даже если бы лорды загородили весь океан своими кораблями. Да, рыба и мясо прокормят нас, и сама королева хотя и умная женщина, но бессильна против природы во всех отношениях. Пойми, Юлечка, и поверь.

Они долго еще говорили в столовой, а потом в спальне. Когда муж был с ней добр и ласков, она чувствовала себя слабой перед лицом этих грозных бед.

Чуть свет Завойко сидел за столом, составляя воззвание к населению Камчатки.

– Надо составить в словах простых и понятных, как можно проще, – говорила Юлия Егоровна, выслушав его сочинение.

– Ах нет, Юленька, я прошу тебя не упрямствоваться! Надо сказать так, чтобы сердца волновались, и выразить всю высокую торжественность минуты, и ты не меняй всего, а только подправь. Это не письмо к дядюшке, и солдата должно хватить за сердце. И он должен понять, за что ему придется умирать. Тут надо помянуть всю тысячу лет нашей истории, а также силу и славу России и государя императора во всем полном блеске и величии. Но вот я начал, а теперь дальше не получается. Ты садись и пиши, а я буду тебе диктовать. Так я волнуюсь, что не могу держать перо и владеть рукой, хотя она и не дрогнет у меня, когда будет надо. И ты, Юленька, это знаешь и простишь меня.

Вбежал старик молоканин, служивший в доме.

– Василий Степанович, с Бабушки сигналят, судно идет. Видно, «Оливуца» подходит.

Завойко вскочил из-за стола и надел мундир. «Вспомнили о нас, бисовы дети!» – подумал он.

Через полчаса он был на Сигнальном мысу и смотрел в трубу. В самом деле, шла «Оливуца», первое русское судно в этом году.

«Так на ней еще не может быть никаких известий! Она идет бог знает откуда. Ведь «Двина» была послана мной с Камчатки сразу после зимовки за десантом, но ее нет, а значит, нет ничего, что обещал Муравьев. А идет «Оливуца» с посулами, а «Двина», верно, стоит и ждет в Де-Кастри. Но на «Оливуце» идет Дмитрий Петрович Максutow, и он от меня ничего не скроет и будет откровенен».

Глава четырнадцатая. Приход «Оливуцы»

Полагают, что английский... полк не может удирать. Это ошибка.

Редьярд Киплинг

Поднявшись на борт «Оливуцы» и прочитав в каюте ее командира лейтенанта Назимова пришедшие бумаги, Завойко ударил себя по лбу. Этого даже он не ожидал.

«Это же насмешка, а не приказание губернатора!» – подумал он, но сдержался.

– А где Муравьев? – спросил он и ответил сам себе, не давая раскрыть рта Назимову: – Того никто не знает. «Авроры» еще нет, и неизвестно, где она, но Муравьев требует, чтобы я ее немедленно снарядил и поскорее отправил к устью Амура, в гавань Де-Кастри.

«А-а! Так она, наверно, к нам придет, если он беспокоится», – подумал Василий Степанович. «Аврора» эта знаменита тем, что на ней служил великий князь Константин, когда был юношей. Еще тем, что англичане в своих газетах писали о ней в сорок шестом году, будто это судно никуда не годится и содержится в беспорядке. Еще тем, что на ней служил Невельской.

Назимов, рослый, смуглый молодой человек с мягкой, пухлой рукой, рассказал о том, что было в Японии и какие известия о войне получены в Китае, что за встречи были у адмирала Путятина и у Римского-Корсакова в Шанхае, а также какие церемонии устраивали адмиралу японцы в Нагасаки и как они упорны в своем нежелании установить правильные сношения с европейскими странами. Сказал, что ныне вся эскадра пошла к своим берегам по случаю предстоящего разрыва с западными державами, который, верно, уже произошел по той причине, что русский флот под начальством адмирала Нахимова поздней осенью прошлого года вдребезги разбил весь турецкий флот в Синопской бухте, что заодно вместе с турецкими кораблями там под горячую руку сожгли и пустили ко дну несколько английских торговых и что английский пароход, бывший в составе турецкой эскадры, поспешно бежал. Англичане, конечно, этого не стерпят, и, видно, начнется заваруха. Экспедиция же Путятина заходила в залив Хади, там всю зиму люди голодали. Умер поручик Чудинов, и перемерла половина экипажей «Иртыша» и «Николая». Гаврилов очень болен. На устье Амура ждут сплав, Муравьев спускается с войсками по реке, а у Невельского в экспедиции тоже голод.

– Так я вас слушаю с охотой и удовольствием, – резко заявил Завойко, – и вижу, что у вас новостей множество. Но они мне не нужны. Оставьте их при себе, так как я послал пятьсот кулей муки для Невельского на «Двине» и еще целый транспорт, то есть «Байкал». Да! А ваши новости только оскорбляют меня! Ваше дело явиться сюда с флотом на защиту порта и принять бой! А вы занимаетесь не тем, чем надо. После этого глупы распоряжения вашего адмирала, о чем и прошу прямо передать ему, так как не вижу смысла в том, зачем он плавает тут два года!

Назимов остолбенел.

– И Муравьев в бумагах пишет мне про Синопский бой.

Но Завойко давно это слышал от американцев и предполагал, что англичане никакой победы русских на море не потерпят и будут собирать силы для ответного удара, который, конечно, нанесут не сразу.

«Шлют ко мне на судне из Японии, – с возмущением думал Завойко, – те бумаги, что писаны чуть не год тому назад! Боже мой! И еще завезли людей на голодовку, и они мрут как мухи на всех новых постах под начальством своих образованных командиров, которые ищут славы и не могут сами себя прокормить!»

– Все, что вы привезли, для нас не новость! И только затем можно было не приходить. Мы ждем, и нам нужны до зарезу люди, снаряжение и оружие. Где «Двина»?

– Стоит в Де-Кастри, ждет.

– Ваши известия о войне неофициальны. Откуда узнал о ней адмирал? Из английских и американских газет! Так надо знать, что в тех газетах пишется у них все, люди наняты за деньги и могут написать, что человек умер, когда он жив. Или война началась, когда ее нет. Где императорский указ, я вас спрашиваю? Как вы смели явиться в порт, отстоящий от Петербурга за четырнадцать тысяч верст, без императорского указа?

– У нас у самих нет, ваше превосходительство, – растерянно отвечал Назимов.

– Так вы могли не приходить, когда не знаете, зачем идете. У меня же есть новости, которых ваш адмирал не может знать. Вот письмо короля лично ко мне.

– Какого короля? – удивился Назимов.

– Я переписки с врагами не имею! Нет, это дружественное послание сторонника России и моего друга короля Камехакехи. Он меня извещает о том, о чем вы не можете, и когда я вам скажу эту новость, то представьте ее Муравьеву и своему адмиралу: война началась!

– Так это те же сведения, ваше превосходительство.

– Как вы смеете так говорить! Король мне сообщает, где и какие суда у англичан и французов, куда идут, и я все знаю, весь океан у меня как на ладони. Он собирал сведения, желая спасти Россию от позора, чего не может сделать ваш адмирал, который, вместо того чтобы выходить в океан и смело нападать на врага и уничтожать его торговлю, идет с военными судами в гавань.

«Если бы пришла из кругосветного «Аврора», то я бы ее ни за что не отпустил, – решил Завойко. – Муравьев сулит мне прислать шестьсот человек. Но лучше синичка в руках, чем муравьевский журавль в небе, за которым еще надо эту синичку посылать, и лучше обученный экипаж фрегата, чем шестьсот муравьевских мужиков. Да еще неизвестно, как тот журавль доплывет до устья Амура и не пощиплют ли ему по дороге перья. А я за ним пошлю «Аврору», которой у меня нет. Слава богу, что англичане еще не знают всех наших глупостей!»

Муравьев писал, что в Петропавловск будет прислана артиллерия, а также инженеры для постройки укреплений.

«А придут они под осень, в августе, – рассуждал Завойко. – А зачем мне осенью инженер, если я в ожидании его должен оставить Камчатку беззащитной. Как можно писать такие распоряжения! Как будто Завойко будет сидеть сложа руки».

Но Василий Степанович совсем не собирался отказываться от помощи, которая в самом деле могла подойти по реке. Суда уже в Де-Кастри. Муравьев спать не будет, зная, что на Камчатке пусто, ведь он придумал, чтобы тут была область и главный порт. Так пусть выворачивается, а то ляжет позор на него, а не на Завойко!

Василий Степанович поговорил с офицерами. Лейтенант Дмитрий Максutow особенно огорчен, что «Аврора» еще не пришла. На ней служит его родной брат Александр. Дмитрий пришел сюда в пятьдесят первом году на «Оливуце» и был принят в доме Василия Степановича как свой.

В Петербурге Завойко почти не знали этих родственников. Юлия видела их мельком, когда лет десять тому назад еще кадетами они явились однажды на праздник. Теперь одному из братьев двадцать шесть, а другому двадцать семь.

Их отец, старик князь Максutow, – уроженец Урала. Уже забыто, что он потомок башкирского князя, отатарившегося в древние времена, а потом крестившегося и обрусевшего. С тех пор Максutowы всегда женились на русских.

Старый князь женат на Яковкиной, родной тетке Юлии Егоровны, сестре ее матери. Старик Максutow живет в Перми и до сих пор служит управляющим палатой казенных имуществ. В той губернии много казенных заводов, и эта должность очень значительная.

Дмитрий рассказал Василию Степановичу, что Гаврилов был при смерти и вылез из больницы только благодаря медицинским средствам, имевшимся на «Оливуце».

– Я говорил Гаврилову, чтобы он боялся Невельского, – отвечал Завойко. – Невельской – пират и губит все суда и людей. Теперь Петр Федорович сам в этом убедился!

Завойко знал, что Гаврилов хоть и бывший подручный Лярского, но моряк хороший, дело знает, он из солдатских сынков, выучился в Кронштадте. Нужен был бы теперь такой, да некстати свалился. Но «Иртыш» или «Двина» должны скоро прийти, видно, явится сюда и Петр Федорович.

...Василий Степанович, съехав на берег, воспрянул духом, хотя, как он полагал, мало, очень мало практического толка было от прихода «Оливуцы», и сама она должна немедленно идти обратно.

– Что же от губернатора? – спросила Юлия Егоровна.

– А от губернатора пакеты и посулы, Юлечка. О чем бы ты думала? Да о том, что предстоит разрыв с державами! Они уж который раз заботятся известить меня об этом. Нет, Юленька, оборонять этот край из Петербурга нельзя. Тут надо иметь свою голову и плюнуть на все наше высшее правительство. Вот клянусь тебе, что если бы не Камеха-меха, у которого я когда-то хотел купить часть коров и который это помнит, враги бы пришли прямо к нам, а мы бы не знали, что с ними делать, и приняли бы их как дружественную державу, когда на самом деле война уже началась... Я не мог поговорить как следует с твоим кузеном и узнать про всех, так как толкался народ. Но после молебна ты увидишь его за обедом. Все офицеры будут у нас, и ты приготовься.

...Священник отслужил молебен. Несколько десятков солдат, среди которых были и молодые, но большинство пожилых, многие дослуживали двадцатипятилетний срок, двадцать гребцов портовой команды и две стройные шеренги матросов с «Оливуцы» стояли перед церковью. Тут же собралась сотня камчатских обывателей со своими детьми, все чиновники и торговые служащие, американцы, а также многие камчадалы, которые в эту пору приезжают в Петропавловск за товарами.

Священник окропил святой водой войска и обывателей.

Завойко сказал о Синопском бое, о победе русского флота, о том, что грядет война.

– Война с Англией и Францией, по моим сведениям, уже наступила.

Он стал читать свое воззвание:

– «Воодушевленные победами русского оружия всюду, где враг попытается напасть на нас, мы не посраим, братцы, нашего Петропавловска, разобьем и прогоним англичан!

Непобедимая слава и сила России есть достояние всего русского народа, который веками укреплял ее православной верой, беззаветной любовью к своему царю, к своей родной земле и преданностью заветам и преданию старины».

Читая все это, Завойко заволновался, руки его, державшие лист, поначалу задрожали, но он быстро овладел собой.

– «В тяжкие годы нашествия врагов весь русский народ поднимался, как один человек, и выступал на защиту своей родины, а старики и женщины несли на площадь свои пожитки и припасы, чтобы сдать и накормить воинов!»

В толпе раздались крики. Купцы стеснились вокруг губернатора. Низкорослый камчадал Аким Тюменцев тоже норовил протолкнуться поближе к генералу. Ему нравилось, как говорил Завойко. У Тюменцева много родни, чуть ли не во всех деревнях по эту сторону хребта, и среди камчадалов, и среди русских казаков. Многие русские женаты на камчадалках, у других матери и бабушки камчадалки. Есть казаки – потомки камчадалов, женившихся на русских.

Аким живет в тайге неподалеку от деревеньки Коряки, на берегу речки, на высоком холме, лес на котором вырублен, но все же холм в летнюю пору зарастает шеломайником, пре-высокой камчатской травой, так что избы не видно. Речка богатая, быстрая, по ней поднимается с моря ходовая рыба. Дальше лесные заросли. В них медведей много, их мясо – любимое

лакомство Акима, как и всех здешних жителей. А над избой и над тайгой высится громада Коряцкого вулкана.

Аким живет ближе всех к огнедышащей сопке, но все же до нее далеко, добираться до вершины пешком пришлось бы суток двое. Иногда вулкан трясет землю и часто сыплет пепел прямо на крышу Акимовой избы, на белье, что сушится на веревке, на сети и огородик... Но этого пепла никто не боится, надо знать, как с ним обойтись, бери одежду и стряхивай. Приезжие городские начнут чиститься и одежду свою дорогую замарают. Городских теперь наехало множество, явились новые купцы из Охотска вместе с перевезенным сюда портом.

Вулкан опасен лавой, но до Акима далеко, не долет. А трясения земли Тюменцев не боится. Волна морская в двадцать сажен высотой сюда тоже не доходит. Она достигает только устья реки Камчатки, но это на другом конце земли, отсюда далеко. Тут случается, в бухте набухнет вода, но не бушует, а потом тихо сама уйдет.

– Отец! Отец! – восторженно кричал приятель Акима, старик Дурынин, рослый, с маленьким скуластым черноватым лицом, вытягивая смуглые руки с жесткими сухожилиями. Дурынин – русский, хозяин общественной избы в казацком селении Начики.

Тюменцев – зверолов. Василий Степанович сегодня утром встретил его, да так и сказал, что теперь на таких, как Аким, должна посмотреть вся область и даже государь император в Петербурге узнает о подвигах своих верноподданных на Камчатке. Он просил Акима поднять камчадалов на защиту. Но вот похоже, что купцы, которые гребут все меха задарма, хотят показать сейчас, что они спасут Камчатку. Акиму приятно видеть, что старик Дурынин им не уступает и всех отталкивает и кричит; лицо у него в поту, как, верно, не бывало и на медвежьей охоте.

– «Вот почему Россия никогда еще не теряла ни единой пяди своей земли, – продолжал читать Василий Степанович, – и эта слава не должна померкнуть перед наступлением второго тысячелетия России! Сюда, на самый отдаленный край родной земли, заброшена небольшая горсть русского народа. Мы не можем ожидать помощи ни от кого, кроме милосердного Бога, и только можем помнить, что мы русские люди и что родина требует от нас жертв. Мы положим свою жизнь, а кто из вас имеет какое-нибудь достояние, то пусть принесет его сюда в пользу воинов, у которых нет продовольствия».

Завойко уже давно объявил, что на Камчатке продовольствия нет, хотя у него, как у хорошего хозяина, про запас мука была. Но он все время говорил, что отослано пятьсот кулей на Амур и Камчатка гибнет и обречена, так как обязана кормить нахлебников. Он желал, чтобы купцы раскошелились, чтобы население не надеялось на одну казну и знало бы, что губернатор никаких претензий не собирается принимать. Он знал, что запасы хлеба есть у торговцев и что они жмутся. Так пусть отдадут хлеб казне, пусть сначала они откроют свои амбары, алтынники, а за казной дело не станет.

– Мы все идем за тобой, отец наш! – в восторге кричал старик Дурынин.

Камчадалы знали, что Василий Степанович куда проще и радушнее с людьми, чем бывлые начальники, и что только он один купцам воли не дает.

– Мы все готовы умереть за славу и честь русского царя и его воинства! – закричал в толпе кто-то, видно из грамотных.

– Братья и сестры, – заговорил тронутый Завойко, – так скажите прямо, кто и чем может помочь делу.

Юлия Егоровна первой выступила из толпы. Она гордо оглядела купцов, офицеров «Оливуцы» и весь народ.

– Я приношу в жертву святому делу все свое хозяйство! – заявила она. – И обязываюсь отдать на убой, если потребуется, всех моих коров.

– А мы с мужем отдаем свои запасы и будем печь из своей муки хлеб, – сказала похожая на монахиню высокая худая купчиха. По лицу ее пошли красные пятна, и она поджала губы, ни на кого не глядя, как бы от злости.

Тогда жена губернатора добавила, что каждый день будет привозить на работы несколько самоваров и поить чаем всех, кто трудится, возводя укрепления, и будет делать заварку.

Купцы не оставались в долгу. Обещали белье, одежду, посуду. Один толстяк сказал, что отдает двадцать ружей, приготовленных на продажу. Купца этого Аким знал. Он два года как приехал из Охотска, а уж ездит всюду и даже за Ганальские Востряки, за цепь скалистых гор, поодаль от Коряцкой. Эти Востряки похожи на продольную пилу голубой стали, поставленную острыми неровными зубцами вверх.

Конечно, купчине нельзя уж теперь держать ружья в магазине, если враг идет, а людям нечем стрелять. Аким подумал, что если записаться добровольцем, то, может, дадут новое ружье. У Окладникова ружья очень хорошие, и Аким полагал, что после войны этого ружья можно не отдавать, особенно если постараться и воевать хорошо.

– А теперь пойдемте все туда, где огонь наших пушек будет поражать ненавистных супостатов земли Русской! – сказал Василий Степанович и крупным шагом пошагал вниз. Народ повалил за ним. Солдаты шагали строем.

Обошли бухту. У входа в ковш от каменистых утесов Сигнальной сопки отходила каменная отмель. На ней остановились. Тут когда-то была батарея. Перед глазами открылась огромная бухта, серая в этот сумрачный день. За ней Вилучинский вулкан в мохнатой шубе облаков.

Священник стал святить место. Завойко объявил, что тут решено строить батарею, надо привезти сюда бревна, нарубить и навязать фашинника. Василий Степанович сам полез на сопку и стал рубить кустарник. Руки у него большие, хваткие. Он забирал большие охапки фашинника, вязал их мягкой корой и сбрасывал вниз к подошедшей подводе. Вокруг стоял треск ломаемого кустарника. Все камчатские жители взялись за дело. Команда «Оливуцы» также принялась за работу.

– А вас сегодня я прошу ко мне на обед с господами офицерами, – сказал Завойко, обращаясь к Назимову, спустившись вниз с горы. – Не обессудьте нас, простых людей.

...Через день «Оливуца» уходила, увозя рапорты Василия Степановича Муравьеву, а также в Петербург в морское министерство.

Назимов, глядя с мостика на черный обрыв камчатского берега, не мог отвязаться от мысли о том, какая тяжелая участь ждет оставшихся здесь. Он решил рассказать обо всем, что видел на Камчатке, писателю Гончарову. Тот очень болезненно переживает все, что пришлось увидеть, когда эскадра подошла к русским заселениям. Ему обидно за свое, да так обидно, что он, видно, хочет что-то написать об этом. «Я расскажу ему про Петропавловск, до чего нас довела тут небрежность и беззаботность правительства. Ему это понравится».

В то же время Назимов чувствовал, что люди здесь крепки и сдаваться не собираются. Что из этого получится – бог весть.

А скалы Камчатки отходили все дальше и дальше. Все выше поднимались вулканы, сливаясь с небом, то являясь, то исчезая, то снова проступая. Черный обрыв берега наконец стал так низок, что совсем скрылся между волн и склонов сопки. И только неполное очертание огромных усеченных гор напоминало о том, что Камчатка близка. Дул злой ветер, холодило.

В канцелярии губернатора с утра толпился народ.

– А ты куда, дедушка, тебе надо на печку! – обращаясь к Дурынину, сказал молодой краснолицый полицмейстер Губарев.

Губарев – поручик ластового экипажа, а еще недавно был штурманским помощником. Теперь Василий Степанович назначил его в полицмейстеры, как человека юркого, бойкого, молодого и распорядительного, который за губернатора пойдет в огонь и воду. Завойко полю-

бил его за то, что Губарев «сирота», то есть что у него нет никаких покровителей, кроме самого Василия Степановича. Семье Губарева покровительствует Юлия Егоровна, и ее старший сын играет и учится вместе с маленьким Губаревым.

– Гляди-ко, – отвечал Дурынин, волнуясь. – Я еще не одного супостата прикончу.

– Да у тебя уж руки трясутся! – весело и уверенно заговорил Губарев, который в эти дни почувствовал, что быстро идет в гору. – Вытяни! Ну-с...

– Руки-то трясутся, – оправдывался Дурынин, – а палить – так не дрогнут. Я нынче весной трех медведей взял... Поди, и супостата – в глаз намечу, в глаз и возьму.

Молодые чиновники, получившие новенькие ружья, хлопали Дурынина по плечу, хвалили его. Вскоре чиновников построили в шеренгу, и офицер увел их к Мишенной сопке на стрельбище.

– Имя как на гулянку, – сказал Дурынин. – А вот палить-то начнут!

На весь Петропавловск запахло свежим хлебом. Поленница дров из сухой каменной березы быстро убывала у пекарни. Злая купчиха на радость Завойко рассталась со своим запахом, а казенный пока стоял... Оказалось, что в Петропавловске и у других жителей стояли амбары с мукой. В это голодное лето купчины держали хлеб про запас, надеясь нажиться. Недаром в свое время Завойко, встретив одного из них в Коряках, ударил кулаком по морде... Теперь перед лицом смерти все открыли свои запасы.

На подступах к городу строили батареи. Гарнизон и обыватели работали от зари до зари. Губернаторша привозила самовары и поила солдат чаем. Укрепления росли, и по вечерам Василий Степанович чувствовал себя бодро от сознания того, что дело движется.

Однажды утром в кабинет Завойко прибежал Губарев.

– С Бабушки сигналият, Василий Степанович, идет судно.

Завойко, работавший в этот ранний час за столом, вскочил.

«Ждешь и не знаешь, что будет, – подумал он. – И неизвестно, кто идет, свои или враги?»

Завойко гневно глянул на молодого полицмейстера.

– Сколько раз я вам говорил, чтобы вы докладывали по форме, – с расстановкой, медленно заговорил Василий Степанович. – Что же вы так обеспокоены? Может быть, вы струсили? Идет судно! Да, так извольте сейчас же собрать команды и объявить, что, быть может, враг, и выдать всем ружья и надеть чистые, рубахи, как перед боем. Да и добровольцы пусть оденутся чисто. Сегодня земляных работ не будет, если подходят англичане, а что значит чистые рубахи, то поймет каждый без объявления. Взять все картузы, какие только готовы для пушек, и строим, с песней на батарею Сигнального мыса, куда и я прибуду. Живо! С богом!

Губарев щелкнул каблуками старых своих сапог. Завойко задержал его и отдал еще несколько распоряжений.

Через полчаса заиграл горн. Отряд за отрядом, в белых рубахах, с ружьями и без ружей пошатели по берегу бухты. Из магазина вышли американцы в шляпах. При виде Василия Степановича они почтительно поклонились. Нападение врагов на город не сулило и хозяину лавки Ноксу ничего хорошего. Могла пострадать лавка. Вряд ли Завойко сможет отбиться от нападения англичан и французов.

– Действительно ли идет иностранный фрегат, ваше превосходительство? – спросил Нокс.

– Еще в точности неизвестно, – ответил Завойко с достоинством. – Но мы к тому готовы.

Нокс заметно волновался. Полное бугроватое лицо его побледнело. Небольшие карие глаза помаргивали, уставившись на губернатора.

– Неужели вы, ваше превосходительство, намерены встретить врага ядрами? С этой недостроенной батареей? – спросил американец с некоторым раздражением. Он желал бы объяснить Завойко реальное соотношение сил. Но, кажется, поздно облагородить губернатора – «ведь враг силен и прекрасно вооружен, чего нельзя сказать про нас».

«А что же мне еще делать? – мог бы ответить Завойко. – Так посмотрите, как мы того не боимся, что враг сильнее нас и что у нас нет оружия».

Мимо проходил отряд добровольцев в белых рубашках. Во главе их, тоже в простой белой рубашке, шагал Губарев. Видя губернатора, беседующего с американцами, он решил не ударить лицом в грязь.

Ах вы, сени мои, сени, —

запел Губарев во весь голос, чтобы Василий Степанович видел и радовался и мог бы гордиться перед иностранцами, какой отчаянный русский народ.

Сени новые мои, —

подхватили добровольцы.

Ударили в ложки, бубен. Губарев пустился на ходу вприсядку.

– Эким он фертом крутится! – с удовольствием сказал Завойко и снисходительно посмотрел на американцев.

Американцы снова почтительно склонили головы. Отряд за отрядом – в каждом по двадцать – тридцать человек – проходили мимо, и сейчас казалось, что Петропавловск в самом деле располагает надежным войском.

– В России люди идут на явную смерть с таким видом, словно на пир, – сказал Нокс, отчасти отдавая должное общему подъему, но в то же время напоминая Завойко о всей серьезности положения.

А Губарев в простой белой рубашке, с ружьем в руках, под удалую песню, под ложки и бубен так и плыл вприсядку перед строем.

– В России еще не было примера, чтобы солдат сошел со своего поста перед неприятелем! – назидательно ответил Василий Степанович американцам и пошел.

Те, как бы отдавая долг этой готовности пожертвовать собой, оставались со склоненными, непокрытыми головами до тех пор, пока не минула последняя шеренга. А впереди уже раздался зычный голос Завойко и россыпь белых рубах бросилась на гору. Отряд за отрядом, словно на штурм, взбегали на мыс.

Хмурое ветреное утро. С Бабушки сигналили: «Судно идет под русским флагом».

– Ружья в козлы! Ура, братцы! Идет наше судно! – крикнул Губарев.

«Христос воскрес!» – хотелось крикнуть Завойко. Он обнял и поцеловал Губарева.

Глядя на него, все стали обниматься и целоваться.

– Рубахи долой! – закричал Василий Степанович.

Вскоре в воротах завиделось парусное судно. Завойко сразу узнал его.

– Ура, братцы! – объявил он. – Пришла «Аврора», наш фрегат.

«Так, теперь может генерал Николай Николаевич написать, сколько он хочет, бумаг, но этого судна он никогда не получит. Он хочет взять “Аврору” себе, но ему на ней не придется добыть себе славу!»

Губарев уже готовил катер с гребцами идти навстречу фрегату. С собой брали зелень, свежее мясо.

«Теперь другой разговор», – думал Василий Степанович, глядя на великолепное судно с распущенными парусами. Казалось, оно стоит в воротах между сопками, но он опытным взором определил, что «Аврора» идет быстро к Петропавловску.

– На сегодня шабаш, братцы! – скомандовал губернатор. – Можно отдохнуть! Сейчас все по домам, берите корзины и ступайте собирать ягоды. Берите ягоды, молока и черемши и выходите встречать наших дорогих гостей не с пустыми руками! О чем я вас прошу и прика-

зывают! «Аврора» пришла из Южной Америки и находилась в открытом океане, и люди там устали и месяцами не видели свежего...

«Теперь мы еще посмотрим, кто кого», – думал он. В голове его являлись новые смелые планы.

Глава пятнадцатая. Фрегат «Аврора»

...и сами полегли за землю Русскую...

«Слово о полку Игореве»

Фрегат «Аврора» все ближе подходил к Петропавловску. На нем стали убирать паруса. Видны были люди на огромных реях, на вантах и на палубе, офицеры на юте, шлюпка с Губаревым, подошедшая к борту.

Завойко пошел домой переодеться.

– Слава богу, Юлечка, – сказал он, входя к жене в полной форме с орденами. – Вот теперь посмотрим, как придут англичане и французы. Всякий другой на моем месте, имея такой гарнизон и эту «Аврору», то есть одно судно да нехватку продовольствия, схватился бы за волосы от мысли, как придется обороняться. А я говорю: слава богу, так как идет судно. Не болтуны и сумасшедшие, а только Завойко будет за всех отдуваться и воевать, к чему я готов, хотя я и не говорю громких слов и не делаю великих открытий. Я готов сложить голову, и дети пусть не стыдятся отца, если его после смерти упрекнут.

– Почему же упрекнут? – насторожилась Юлия Егоровна.

Ее беспокоили подобные рассуждения мужа. Казалось, он старался оправдаться, отвечая своему какому-то внутреннему голосу.

– Нет, Юлечка, – сказал он упрямо, – я не чувствую себя ни в чем виноватым и могу умереть спокойно, и ты можешь не тревожиться. Так я иду на «Аврору». Слава богу, что она пришла. И когда голому дали одну только рубаху, он чувствует себя одетым, а богачу мало дюжины, и он хочет отнять последнее у соседа! Я чувствую себя, словно обут и одет. Да не забудь, что теперь пришел мой родной племянник, ныне мичман Николай Фесун, и я этому очень рад, хотя все, кто на ней прибыл, мне родные!

Юлия Егоровна также рада. Фесун – сын мелкопоместного дворянина с Украины – с помощью дядюшки Фердинанда Петровича поступил в свое время в морской корпус и учился отлично. Юлия Егоровна себя чувствовала до некоторой степени благодетельницей этого мальчика.

Завойко пошел, но остановился в дверях и, повернувшись, снова заговорил горячо:

– Но, Юленька, я, как Кутузов, скажу, что враги не на того напали. Я не сдамся и подниму всех камчадалов, и мы устроим тут войну, от которой врагу не поздоровится. Мы его забьем дубьем и уйдем в тайгу. Англичане еще не рады у меня будут, что заберутся на Камчатку. Я все это время думал, что поддержу свой авторитет и разобью врага, только бы пришла «Аврора».

Зная, что все население Камчатки состоит из природных охотников, прекрасных стрелков, Завойко повсюду разослал своих чиновников, даже и за хребет, в долину реки Камчатки, с приказанием всем вступать в добровольцы.

И вот теперь такая подмога! Фрегат! На нем же четыреста человек команды!

А Юлия Егоровна думала о том, как кстати теперь ее молочная ферма. Муж часто бранит родственников, а ведь если бы не они, если бы не родственные связи, то многое и многое не удалось бы сделать. Ведь если бы не дядя, не его имя, то и правительство, верно, никогда бы не дало мужу средств для покупки скота. Муж при всей его нечеловеческой энергии вряд ли смог бы исполнить все так быстро, если бы тут на помощь ему своими средствами и судами не пришла Компания. В то же время она отлично понимала, что, не будь здесь ее мужа, никакие средства и суда Компании не значили бы ровно ничего. И она снова гордилась своим «старым мужем», как она называла Василия Степановича.

...Между огромных вулканов, вершины которых местами в снегу, а склоны в густых раскидистых лесах, залегла широчайшая Авачинская бухта. Звонкие речки с прозрачной водой сбегая к ней по широким лесистым долинам.

За грядой низких сопок, отошедшей от матерого берега, – ковш – внутренний залив, то есть бухта малая в огромной бухте. На берегу ковша примостился Петропавловск. Он совсем походил бы на малую камчадальскую деревушку, если бы не дом губернатора с березами в саду. Наискосок – церковь, старая, деревянная, потемневшая от дождей, внизу – пакгауз и причалы. Чуть подальше, там, где ковш уткнулся в берег между перешейком и материком, склад и новая казарма. В стороне – магазин американца.

«Аврора» вошла в ковш. Лодки с обывателями окружили ее. На борт подавали ведра и кувшины с молоком, зеленью и ягодой.

– Блестящее судно! – говорили столпившиеся чиновники.

Губарев вернулся на шлюпке, отозвал в сторону губернатора. Вид у него был смущенный, и он о чем-то долго шептался с Завойко. Василий Степанович живо сел в шлюпку. Гребцы налегли на весла. Через несколько минут он поднимался по трапу на фрегат.

Вскоре с этого блестящего судна стали спускать в шлюпки носилки с людьми. Это были тяжелобольные и умирающие.

Командир «Авроры» капитан второго ранга Иван Николаевич Изылметьев, с угрюмым взглядом серых глаз, полужакрытых от усталости и болезни, долго рассказывал Василию Степановичу, что произошло с «Авророй».

На судне почти все больны цингой. Одни тяжело, другие легче, но совершенно здоровых людей почти нет. Сам капитан также чувствует себя плохо.

Его фрегат, обойдя мыс Горн в самое бурное время года, не пошел в Вальпараисо, как было приказано. Капитан, зная, что там стоит английская эскадра, пошел в порт Кальяо, на южноамериканском побережье. Но в Кальяо как раз и оказалась целая соединенная франко-английская эскадра, ожидавшая из Панамы по сухому пути известий из Европы о начале войны с Россией, которые через Атлантический океан должен был доставить почтовый пароход.

– Мы не ждали и напоролись! – рассказывал Иван Николаевич. – Но и в Кальяо о войне ничего не было известно!

– Так нигде и ничего не известно! – сказал Завойко.

Англичане и французы обрадовались приходу русской эскадры. Прибудь через перешеек известие о начале войны – фрегат «Аврора» сразу стал бы их добычей.

Изылметьев пустился на хитрость. Он велел своим офицерам дружески встречаться с английскими и французскими офицерами, говорить, что у нашего судна серьезные повреждения, придется его основательно ремонтировать и что судно это вообще плохое, напрасно послано в такое далекое плавание, что еще в 1846 году английские газеты в Плимуте предупреждали об этом, когда на «Авроре» прибыл в Англию великий князь Константин.

Англичанам и французам очень лестно было захватить в свои руки фрегат, на котором воспитывался когда-то сын царя. Хотя они были уверены, что это и в самом деле никуда не годная гнилая посуда и что газета, видно, писала не зря.

Офицеры союзников ездили на «Аврору» с визитами, русские, в свою очередь, бывали у них. Казалось, и те и другие очень рады, офицерская молодежь со всех судов отправлялась вместе на гулянья. А в это время тайком англичане и французы наблюдали за тем, что делается на русском судне. А все, кто оставался на «Авроре», тоже тайком, лихорадочно готовили судно к огромному переходу через Тихий океан. Иван Николаевич спешил, торопил людей, искусно притворялся при встрече с иностранцами, что у него все в беспорядке, даже затеял переговоры с представителями одной из фирм в Кальяо о починке фрегата, для чего сам съезжал на берег. А на рассвете другого дня, когда до приезда представителей фирмы оставалось несколько часов, на фрегате подняли паруса и с попутным ветром быстро вышли в море под самым носом у дремавшей англо-французской эскадры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.